

**ХРОНИКА
ЗАЩИТЫ ПРАВ В СССР**

ВЫПУСК 30

АПРЕЛЬ-ИЮНЬ 1978

**ИЗДАТЕЛЬСТВО "ХРОНИКА"
НЬЮ ЙОРК**

**ДВИЖЕНИЕ В ЗАЩИТУ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА
В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ ПРОДОЛЖАЕТСЯ**

ХРОНИКА ЗАЩИТЫ ПРАВ В СССР

ВЫПУСК 30

АПРЕЛЬ-ИЮНЬ 1978

ГОД ИЗДАНИЯ – ШЕСТОЙ

**ИЗДАТЕЛЬСТВО "ХРОНИКА"
НЬЮ ЙОРК**

Главный редактор издательства: Валерий Чалидзе

Редакционная коллегия: Эдвард Клайн

Павел Литвинов

Лондонский корреспондент: Питер Реддавей

"Хроника защиты прав в СССР" не занимает политически мотивированной позиции и не содержит редакционных оценок по поводу описываемых событий.

Издательство не принимает пожертвований от государственных и политических организаций.

Editor-in-Chief, Khronika Press: VALERY CHALIDZE

Editorial Board: EDWARD KLINE, New York

PAVEL LITVINOV, New York

London Correspondent: PETER REDDAWAY

Copyright © 1978 by: KHRONIKA PRESS

Published by: KHRONIKA PRESS, 505 8th Ave., New York, N.Y. 10018

СОДЕРЖАНИЕ

Осужден Юрий Орлов	5
Осуждены Гамсахурдиа и Костава	12
Демонстрация в Грузии	13
Арестован Александр Подрабинек	14
Сахаров в защиту Шелкова и Гаяускаса	16
Положение Руденко	18
Заявление Черновола из ссылки	20
Сообщение о свидании с Гелем	23

* * *

Борьба за статус политзаключенного	25
Об избирательных правах заключенных	29
<i>А. Сахаров. Послесловие к сборнику</i> <i>”Тревога и надежда”</i>	35
Советская государственность и психиатрия	48
О положении инвалидов	53

Документы юридической практики

Нарушение права на выход из колхоза	56
Кассационная жалоба по делу Орлова	58

Юридический комментарий

<i>Дж. Гинзбургс. О деле Зосимова</i>	62
---	----

Из прошлого

Хрущев о правах человека	69
------------------------------------	----

Библиография

Поступления Самиздата	77
Указатель имен	88

СООБЩЕНИЯ

Арестованы

В Москве:

Александр Подрабинек (см. стр. 14).

Иосиф Бегун — по обвинению в нарушении паспортного режима.

Владимир Слепак — по обвинению в злостном хулиганстве.

Приговорены

В Москве:

Юрий Орлов — к 7 годам заключения и 5 годам ссылки (см. стр. 5-11, 58-61).

Владимир Слепак, известный деятель еврейского движения за выезд в Израиль и член Московской группы "Хельсинки", приговорен 21 июня к 5 годам ссылки по обвинению в злостном хулиганстве.

Иосиф Бегун, ранее отбывший два года ссылки по обвинению в "ведении паразитического образа жизни", 28 июня был приговорен к 3 годам ссылки по обвинению в нарушении паспортного режима.

Ида Нудель, активная участница еврейского движения за выезд в Израиль, 21 июня была приговорена к 4 годам ссылки по обвинению в злостном хулиганстве.

В Тбилиси:

Звиад Гамсахурдиа и Мераб Костава — к 3 годам заключения и 2 годам ссылки каждый (см. стр.12).

На Украине:

Лев Лукьяненко, член Украинской группы "Хельсинки", ранее отбывший 15 лет заключения по политическому обвинению, приговорен к 10 годам лагерей особого режима и 5 годам ссылки по обвинению в "антисоветской агитации и пропаганде".

В Вильнюсе:

Балис Гаяускас приговорен к 10 годам лагерей особого режима и 5 годам ссылки (см. стр. 16).

* * *

♦ Возбуждено уголовное дело по обвинению в "злостном хулиганстве" против Марии Слепак.

♦ В Рабочую комиссию по расследованию использования психиатрии в политических целях в СССР вступил Леонард Терновский.

♦ Лишен советского гражданства художник Оскар Рабин.

СУД НАД ПРОФЕССОРОМ ЮРИЕМ ОРЛОВЫМ

(Документ Хельсинкской группы № 50)

С 15 по 18 мая в Москве судили основателя движения групп "Хельсинки" в Советском Союзе, известного физика, члена-корреспондента Армянской АН профессора Юрия Орлова. Фиктивный характер суда очевиден из того, что властям понадобилось 15 месяцев предварительного заключения Орлова в условиях строгой изоляции для подготовки процесса и лишь 3 дня для рассмотрения материалов следствия в 58 томах. Всего несколько часов потребовалось суду, чтобы обсудить и составить приговор, которым Ю.Ф. Орлову назначено максимальное по ч. 1 ст. 70 УК РСФСР наказание: 7 лет заключения в лагерях строгого режима с последующей ссылкой на 5 лет.

Формально открытый суд фактически проходил при закрытых дверях. В зал заседания помимо специально подобранных людей были допущены лишь жена и два сына Орлова. Каждый раз они подвергались унижительным обыскам — жену Орлова, например, в поисках ее заметок о ходе судебного заседания раздели догола в присутствии мужчин. Сына Орлова несколько раз сильно ударили по голове. Друзья Орлова, в том числе академик Сахаров, не допускались в зал суда. В дни суда в Москве прошел ряд обысков и два ареста: Александра Подрабиника и Иосифа Бегуна. На 15 суток арестованы Нокин, Леонтьев, Коротич.

В ходе судебного процесса прокурор и суд тщательно избегали упоминания о том, что документы, инкриминируемые Ю.Ф. Орлову, являются документами Московской Хельсинкской группы.

Суд устанавливал лишь факт участия Орлова в составлении документов и пресекал все попытки Орлова и его адвоката исследовать документы по существу их содержания, т.е. суд заранее считал все документы "клеветническими".

Более того, в нарушение конституционных принципов гласности, устности и непосредственности документы не оглашались в судебном заседании, а Орлову и его защитнику суд запрещал

не только излагать содержание того или иного документа, но даже произносить их полное наименование.

Все ходатайства Орлова и его адвоката, направленные на защиту Орлова (вызов свидетелей защиты, приобщение документов и др.), были судом отклонены.

Показания Орлова судом настойчиво и неоднократно прерывались, вопросы адвоката судьей снимались.

Опасаясь репрессий в отношении адвоката Шальмана, Ю.Ф. Орлов в конце судебного следствия выразил ему благодарность за правовую и моральную помощь и отказался от участия защитника в прениях сторон, заявив, что защитительную речь он будет произносить сам.

Однако защитительная речь Орлова прерывалась многочисленными окриками судьи и враждебными выкриками из зала суда, заполненного, как указано выше, специально подобранными людьми.

Прерывалось судьей и последнее слово, и Орлов сказал: "Как Вам не стыдно прерывать меня, это ведь мое последнее слово". Однако и после этого он был лишен возможности беспрепятственно говорить. Ни защитительной речи, ни последнего слова Ю.Ф. Орлову сказать не дали.

После того как суд удовлетворил отказ Орлова от дальнейшего участия адвоката в процессе, адвокат Шальман был грубо, с применением насилия вытолкан из зала заседания и заперт в отдельной комнате. В зал судебного заседания он был допущен вновь лишь после того, как ему удалось связаться по телефону с руководством Московской коллегии адвокатов.

По окончании каждого судебного заседания все происходившее в зале суда подробно нами фиксировалось со слов Ирины Орловой. Поэтому мы имеем основание утверждать, что процесс Орлова был не объективным и справедливым рассмотрением дела, а расправой за свободную мысль и свободное слово.

Значение процесса Юрия Орлова, как и ранее проходивших политических процессов, а также ожидаемых в близком будущем процессов его друзей по Московской группе "Хельсинки" Александра Гинзбурга и Анатолия Щаранского выходит далеко за пределы СССР. Эти процессы имеют непосредственное отношение не только к вопросу прав человека, но и к вопросу разрядки международных отношений.

Мы призываем правительства и глав государств стран, подписавших Хельсинкский Акт, общественные организации этих стран и частных лиц, в первую очередь ученых и писателей, работников искусства, общественных деятелей выступить в защиту Юрия Орлова, в защиту Хельсинкского движения и тем самым в защиту самого Хельсинкского Акта, утверждающего неразрывную связь проблем безопасности и прав человека.

18 мая 1978 г.

Члены Группы "Хельсинки":

*Е. Боннэр, С. Каллистратова, М. Ланда, Н. Мейман,
В. Некипелов, Т. Осипова, В. Слепак*

Член Грузинской группы "Хельсинки" – *И. Гольдштейн*
Заявление Группы "Хельсинки" о суде над профессором Ю.Ф. Орловым полностью поддерживаем:

А. Сахаров, И. Нудель, С. Поликанов, А. Лавут, А. Поликанова, И. Ковалев, Ю. Ярым-Агаев, В. Бахмин, В. Корнилов, Л. Копелев

* * *

Судебный приговор вызвал многочисленные отклики в США и других странах; Государственный Департамент США, например, осудил суровый приговор как "грубое нарушение международно признанных понятий о правах человека". Госдепартамент заявил, что судебные заседания намеренно использовались для того, чтобы унижить семью Орлова. Палата Представителей (18 мая) и Сенат (22 мая) вынесли резолюции с осуждением характера и приговора суда над Орловым.

18 мая французское Министерство иностранных дел выступило с официальным протестом против вынесенного Орлову приговора, отметив, что решение суда "находится в противоречии с Заключительным Актом Хельсинкского совещания и двусторонними франко-советскими соглашениями об охране прав человека".

Английский премьер-министр Джеймс Каллагэн назвал вынесенный Орлову приговор необоснованным и дал понять членам парламента, что поднимет этот вопрос в переговорах с советскими властями. 19 мая английский правительство отложило подписание пятилетнего соглашения о спортивном обмене с СССР и отозвало из Москвы английскую делегацию.

Руководители французской, итальянской, испанской и бельгийской компартий выступили с осуждением суда над Орловым. "Юманите" заявила, что "в социалистической стране свобода мнений должна быть неотъемлемым правом", а "Унита" отметила, что явления типа суда над Орловым поднимают "вопросы и проблемы политического характера".

Ассоциация американских издателей отправила телеграмму Леониду Брежневу, подписанную Винтропом Ноултоном, президентом издательства "Харпер энд Роу" и новым председателем Ассоциации, и Пером Сьюргеном, шведским председателем Международной ассоциации издателей, с призывом к "справедливому и открытому суду над Орловым", вновь выражая озабоченность по поводу судебного решения и настаивая на проведении справедливого суда с заслушиванием свидетелей защиты и соблюдением Хельсинкских соглашений. Члены Ассоциации (около 300 издателей) сформулировали компромиссный документ, положения которого подчеркивают лежащую на Ассоциации обязанность отмечать цензурные ущемления иностранных авторов и издателей и протестовать против таких ущемлений, ибо между издательским делом и гражданскими свободами имеется "органическая связь".

Деканы юридических факультетов Гарвардского, Йельского и Колумбийского университетов выступили с заявлением, подписанным их 230 коллегами по всей стране и протестующим против того, что "в Советском Союзе отрицается элементарная справедливость", что "суд и юстиция превращаются там в насмешку".

Директора шести ускорителей атомных частиц – Вольфганг Пановски (Стэнфордский линейный ускоритель), Брайс Макдэниэл (Ядерная лаборатория Корнельского университета), Роберт Сакс (Аргоннская национальная лаборатория), Джордж Виньярд (Брукхейвенская национальная лаборатория), Роберт Вильсон (Национальная лаборатория им. Ферми) и Эндрю Сесслер (Лоуренсовская радиационная лаборатория) – обратились с посланием сходного содержания, заявляя, что суд над Орловым может пагубно отразиться на советско-американских отношениях. Позднее они отменили поездку по лабораториям в семи советских городах, организовав Департаментом энергии США.

Группа из одиннадцати онкологов – специалистов в области иммунологии также отказалась участвовать в конференции, являющейся частью программы регулярного научного обмена между онкологами СССР и США и намечавшейся на 5-7 июня в Советском Союзе. Четверо членов группы представляют Национальный раковый институт, а семеро работают в частных учреждениях. Председатель делегации д-р Вильям Д. Терри является заместителем директора Национального ракового института.

Профессор физики Калифорнийского университета (Санта Круз) Майкл Науэнберг отправил советскому президенту Леониду Брежневу телеграмму, подписанную четырнадцатью физиками из Американского университета, Лаборатории Лоренс Ливермор, Чикагского университета, Национальной лаборатории ускорения им. Ферми, Брукхейвенской национальной лаборатории, университета Нотр-Дам, Рочестерского университета, Аргоннской национальной лаборатории, Калифорнийского университета, Беркли и университета штата Вашингтон, а также ученым из "Дейчес Электрон-Синхротрон"; в знак протеста против вынесенного Орлову приговора эти исследователи отклонили приглашение на Пятый международный семинар по проблемам физики высоких энергий, который должен был проводиться в Дубне с 21 по 27 июня.

В июле профсоюз объединенных рабочих автомобильной промышленности отменил поездку в Советский Союз, планировавшуюся на осень этого года. Президент профсоюза Дуглас Фрейзер отправил председателю советского профсоюза рабочих автомобильной промышленности телеграмму следующего содержания:

[Профсоюз] очень хотел бы поддерживать позитивные, открытые отношения с советским народом, в особенности с нашими коллегами, работающими в тех же отраслях промышленности и сталкивающимися на работе с аналогичными проблемами. Однако мы никоим образом не можем поддерживать соответствующих отношений, покуда гражданские свободы жителей Советского Союза нарушаются столь грубо.

Профессор прикладной физики Гарвардского университета Николаас Бломберген, президент Ньюйоркского городского колледжа Роберт Э. Маршак и профессор прикладной физики Гарвардского университета Гордон Маккей также отменили свою поездку в СССР в знак протеста против суда над Орловым и вынесенного ему приговора. Николаас Бломберген послал телеграмму президенту Академии наук СССР А.П. Александрову, а Роберт Маршак обратился к профессору А. Логунову (Институт ядерных исследований АН СССР) и напомнил ему, что он (Маршак) был инициатором возобновления научного обмена между США и СССР в 1956 г. (в период холодной войны), когда Марков посетил конференцию по проблемам физики высоких энергий в Рочестере. Маршак широко известен как горячий сторонник научного обмена между СССР и США. Джордж Хэммонд, секретарь Национальной Академии наук США по международным делам, также отправил телеграмму ученому секретарю АН СССР. Протесты продолжаются.

Возможно, наиболее серьезным западным откликом на процесс Орлова явилась отмена поездки американской делегации из 20 человек в Москву на советско-американский Симпозиум по теории конденсированного вещества, намеченный на 26-28 мая. Поездка была организована Национальной Академией наук, неправительственной организацией, консультирующей федеральные министерства и ведомства и конгресс. Сопредседатели направлявшейся на Симпозиум делегации Национальной Академии наук Вильям Ф. Бринкман (Лаборатория Белл Телефон) и Элиху Абрамс (физический факультет университета Ратгерс) писали Исааку М. Халатникову, директору Института теоретической физики АН СССР: "Сложилось твердое мнение, что в нынешней атмосфере плодотворная научная дискуссия невозможна". 19 мая президент Национальной Академии наук Филипп Хэндлер направил Леониду Брежневу следующую телеграмму:

СССР, Москва
Президиум Верховного Совета СССР
Президенту Леониду И. Брежневу

Я должен сообщить Вам, что ученые США были глубоко опечалены известиями о суде над физиком Юрием Орловым и вынесен-

ном ему приговоре. То, что произошло, скажется весьма отрицательно на поддержке, которую ученые нашей страны оказывают долгосрочной программе сотрудничества между нашей Академией и АН СССР. Целый ряд американских ученых, в том числе вся наша делегация на советско-американском Симпозиуме по теории конденсированного вещества, уже отменили планируемые научные поездки в Советский Союз, и их действия поддерживаются широкой научной общественностью США. Мы просим Вас принять все необходимые меры для смягчения приговора по делу Юрия Орлова. Далее, мы хотели бы надеяться, что суды над Александром Гинзбургом и Анатолием Шаранским будут открытыми и что нам позволят послать на них квалифицированных наблюдателей.

19 мая 1978 г.

Филипп Хэндлер

Президент Национальной Академии наук

Федерация американских ученых выступила со следующим заявлением по поводу дела Орлова:

В Советском Союзе никогда не было и еще долго (или вообще никогда) не будет таких гражданских прав, которыми пользуемся мы и которых мы требуем от его правительства. Поскольку Орлов был главным организатором общественных групп по наблюдению за соблюдением Хельсинкских соглашений, его арест и вынесенный ему максимальный приговор ясно демонстрируют нежелание и неподготовленность советского правительства к выполнению своих обязательств по расширению прав человека, налагаемых на него этими соглашениями.

ФАУ снова выдвигает сделанное ею в марте 1976 г. предложение о том, чтобы озабоченные ученые "брали шефство" над своими зарубежными коллегами, попавшими в затруднительное положение из-за своей борьбы за права человека, и отказывались сотрудничать с деспотическими правительствами до тех пор, пока "подшефному" ученому не будут обеспечены его научные права. В то же самое время мы верим в международное научное сотрудничество, и поэтому ФАУ не стремится и не призывает к полному разрыву научного сотрудничества с любым правительством при каких бы то ни было обстоятельствах. Да и сами ученые-диссиденты редко желают такого разрыва, ибо он перережет жизненно важные коммуникации с симпатизирующими им зарубежными коллегами. Короче говоря, в таких ситуациях мы хотим, чтобы одни ученые протестовали своим отказом от сотрудничества, а другие – в процессе сотрудничества.

В пользу этой политики давления, а не полного разрыва говорит и то обстоятельство, что для изменения природы всех диктаторских правительств понадобится длительное время, и в распоряжении правительства США имеются самые разные виды угроз, так что

такая незначительная угроза, как прекращение научного обмена, вряд ли достигнет желаемых результатов.

В интервью, данных в июне западным корреспондентам, Андрей Сахаров и Сергей Поликанов выразили благодарность западным ученым, протестовавшим против суда над Орловым.

В конце мая Юрий Орлов ходатайствовал о пересмотре своего приговора. (Ходатайство было рассмотрено в заседании в июле месяце, и приговор был оставлен в силе.)

Деятельность Ю. ОРЛОВА
и других членов
Хельсинкских групп
отражена
в
ДОКУМЕНТАХ
ХЕЛЬСИНКСКИХ ГРУПП
выпуски 1 – 4
Издательство "Хроника"
цена – 5.00 выпуск

ОСУЖДЕНЫ ГАМСАХУРДИА И КОСТАВА

Звиад Гамсахурдиа, 39-летний грузинский писатель, и Мераб Костава, 39-летний музыковед и историк, были приговорены в Тбилиси 19 мая к трем годам лишения свободы и двум годам ссылки каждый за их общественную деятельность в защиту прав человека. Они обвинялись в "антисоветской агитации и пропаганде".

Звиад Гамсахурдиа выпускал в Самиздате два журнала — "Золотое руно" и "Вестник Грузии". Он также был членом-учредителем и Грузинской Инициативной группы защиты прав человека, и Грузинской группы "Хельсинки" (основанной в январе 1977 г.). В 1976 г. Колледж королевы Марии Лондонского университета пригласил Гамсахурдиа прочитать цикл лекций, но советские власти не дали ему разрешения на поездку в Англию. 24 марта 1977 г. Гамсахурдиа был исключен из Грузинского Союза писателей.

Мераб Костава, также член-учредитель Инициативной группы защиты прав человека в Грузии и член Грузинской группы "Хельсинки", выступал со статьями и заявлениями в защиту месхов, насильственно переселенных в Среднюю Азию с их территории на грузинско-турецкой границе в 1944 г.*.

Гамсахурдиа и Костава (арестованные 7 апреля 1977 г.) содержались в тбилисской следственной тюрьме в полнейшей изоляции. Несколько месяцев они находились в Институте судебной психиатрии им. Сербского в Москве. Гамсахурдиа и Костава признали себя виновными. Жена Гамсахурдиа сообщила, что на суде Гамсахурдиа защищал свою позицию по национальным, религиозным и культурным вопросам. Он признал, что публиковал статьи диссидентов в грузинском самиздатском журнале.

"Нью Йорк Таймс" сообщила о том, что по советскому телевидению было показано интервью с Гамсахурдиа, в котором он признавал свою вину и говорил, что он был введен в заблуждение диссидентами и иностранными корреспондентами. Он добавил, что он получал антисоветскую литературу, опубликованную за границей и ввезенную в СССР для распространения, от И. Белоусовича (первого секретаря американского посольства в Москве).

* См. "Хронику защиты прав в СССР", вып. 23-24.

ДЕМОНСТРАЦИЯ В ГРУЗИИ

14 апреля западные корреспонденты опубликовали сообщения о том, что несколько тысяч грузин вышли на демонстрацию в Тбилиси, протестуя против намерения советских властей опустить в проекте новой Конституции пункт о признании грузинского языка государственным языком республики, заменив его гарантией "возможности использования родного языка". По сообщениям западных корреспондентов, в советской печати о волнениях не было ни слова, а западных журналистов не пустили в Грузию. Глава грузинской компартии Эдуард Шеварднадзе официально пошел навстречу настроению народа в опубликованной речи от 21 апреля.

15 апреля, после демонстрации в Грузии, Валерий Чалидзе обратился к Генеральному Секретарю ООН Вальдхайму:

Многоуважаемый г-н Генеральный Секретарь!

Я обращаю Ваше внимание на грандиозную демонстрацию в Тбилиси в защиту грузинского языка как государственного. Грузинский народ – одна из старейших наций на Земле, и его культура должна быть под защитой Объединенных Наций. Я также обращаю Ваше внимание на опасность преследования тех, кто участвовал в демонстрации. Особое беспокойство вызывает то, что Грузия закрыта теперь для визитов иностранных корреспондентов.

Объединенные Нации не раз демонстрировали свое бессилие перед великими державами, когда речь шла о защите прав человека в конкретных случаях. Покажут ли они теперь свое бессилие, когда речь идет о защите права народа, хотя и не представленного в Объединенных Нациях?

Я призываю Вас, г-н Генеральный Секретарь, с должным пониманием отнестись к серьезности этой проблемы и помочь защитить право грузинского народа на пользование своим языком во всех областях жизни. Независимо от того, пойдут ли власти СССР на формальную уступку, включив соответствующую статью в Конституцию Грузинской ССР, – проблема останется серьезной: насильственная русификация грузинской культуры началась давно, культура этого народа под угрозой. В защиту грузинской культуры уже выступали грузинские интеллигенты, в том числе известный грузинский общественный деятель Звиад Гамсахурдиа, арестованный теперь вместе с коллегами М. Коставой и В. Рцхиладзе.

Я также обращаю Ваше внимание на то, что проблема эта касается не только Грузии, но и других народов СССР, и в соответствии с международным правом Объединенные Нации не должны остаться безразличными к ней.

15 апреля 1978 г.

В. Чалидзе

АРЕСТОВАН АЛЕКСАНДР ПОДРАБИНЕК

(Документ Хельсинкской группы № 51)

14/V-1978 г. — накануне начала суда над Юрием Орловым — арестован Александр Подрабинец, известный поборник прав человека в СССР, автор выходящей в ближайшем будущем на Западе книги "Карательная медицина".

Александр Подрабинец — активный член Рабочей комиссии по расследованию использования психиатрии в политических целях — в течение двух последних лет проводил большую работу по защите психически здоровых людей, помещаемых в психиатрические больницы за их инакомыслие, за правозащитную и религиозную деятельность. Одновременно с этим А. Подрабинец защищал интересы психически больных, насильственно помещаемых в психиатрические больницы только за инакомыслие или религиозную веру, в случаях, когда эти больные не представляют опасности для окружающих.

Тщательно документированный материал о случаях злоупотреблений психиатрией в политических целях, собранный Подрабинецом, не только вошел в его книгу "Карательная медицина" (черновой вариант этой рукописи был изъят КГБ при обыске у Подрабинеца в марте 1977 г.), но и фигурировал в материалах Всемирного конгресса психиатров в Гонолулу.

Как известно, КГБ настойчиво добивался принудительной эмиграции Подрабинеца путем шантажа, используя в качестве заложника его брата Кирилла Подрабинеца, который после отказа Александра выехать из СССР был необоснованно арестован и в марте осужден к лишению свободы сроком на 2 года 6 месяцев.

Александр, подвергаясь непрерывной слежке и преследованиям, продолжал свою правозащитную деятельность. Теперь он арестован и помещен в тюрьму.

Следствие ведется следователем Московской областной прокуратуры Гуженковым В.М. по ч. 1 ст. 190 УК РСФСР, т.е. по обвинению в распространении заведомо ложных сведений, порочащих советский государственный и общественный строй.

Как и все политические заключенные в СССР, Подрабинек лишен на время предварительного заключения права на переписку, на свидание с родственниками и друзьями, а также с адвокатом.

Подрабинек не занимался противозаконной, тайной деятельностью. Он действовал в рамках Всеобщей декларации прав человека, Международных пактов о правах и советских законов.

Все знающие Подрабиника не сомневаются в его правдивости, честности, бескорыстности.

Мы призываем правительства и глав государств стран, подписавших Хельсинкский Акт, общественные организации этих стран, а также Всемирную Организацию Психиатров выступить в защиту Александра Подрабиника, против продолжающегося преследования правозащитного движения в СССР.

22 мая 1978 г.

Члены Московской группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР:

*Елена Боннэр, Софья Каллистратова, Мальва Ланда,
Наум Мейман, Виктор Некипелов, Татьяна Осипова,
Владимир Слепак*

**В издательстве "Хроника" вышел сборник документов
о положении рабочих в СССР:**

СССР – РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ?

под ред. В. Чалидзе

цена \$ 7.00

САХАРОВ В ЗАЩИТУ ШЕЛКОВА И ГАЯУСКАСА

Мировой общественности в защиту Балиса Гаяускаса

Балис Гаяускас — в прошлом узник сталинских и послесталинских лагерей, попавший в них в 1949 году в возрасте 23 лет и после двадцатипятилетнего срока освобожденный в 1974 году, — вновь осужден судом в Вильнюсе на десять лет заключения в лагере особого режима и пять лет ссылки. Арест и осуждение Гаяускаса — акт исключительной жестокости, наглядно демонстрирующий действия репрессивных органов. Суд, так же как в ряде других случаев, не постеснялся вынесенный сталинскими судьями приговор счесть отягчающим обстоятельством. Гаяускас был арестован во время допроса по делу Гинзбурга. Это дает нам основания рассматривать его арест так же как одно из действий против Фонда помощи политзаключенным и их семьям. И в заключении, где он провел большую часть сознательной жизни, и во время краткого пребывания на свободе Балис пользовался большим уважением и любовью товарищей за честность, мужество, принципиальность и доброжелательность.

Я призываю честных людей во всем мире, всех озабоченных соблюдением прав человека, все организации, ответственные за контакты с Советским Союзом, правительственных деятелей Запада, всех литовцев за рубежом — выступить в защиту благородного и мужественного человека трагической судьбы — Балиса Гаяускаса.

16 апреля 1978 года

Лауреат Нобелевской премии Мира
Андрей Сахаров

**Мировой общественности, всем верующим,
всем выступающим за соблюдение прав человека**

14 марта в Ташкенте арестован духовный руководитель религиозной общины Адвентистов Седьмого Дня, восьмидесяти-трехлетний председатель Всесоюзной Церкви Верных и Свободных Адвентистов Седьмого Дня Шелков Владимир Андреевич. Вместе с ним арестованы еще пять его единоверцев – Илья Лепшин, в момент ареста тяжело больной, Арнольд Спалинь, Сергей Маслов, Елена Кривоберец, Виктор Бедарев. Всем им угрожает жестокая расправа. Арест и обыск сопровождались вопиющим насилием и произволом, бесчинствами и угрозами со стороны властей.

На протяжении многих десятилетий независимая позиция Адвентистов Седьмого Дня в церковных вопросах навлекала на них (как и на многие другие Церкви) жесточайшие гонения, граничащие с религиозным геноцидом. Духовный руководитель Церкви Адвентистов Владимир Шелков провел в лагерях и тюрьмах 23 года, из них несколько месяцев в камере смертников после приговора, замененного впоследствии длительным заключением. Его религиозная деятельность, активная борьба за свободу религии снискали ему глубочайшее уважение и любовь единоверцев и одновременно – ненависть репрессивных органов. Последние несколько лет он был вынужден скрываться от ареста, находясь на нелегальном положении. Арест Шелкова и его единоверцев – большая трагедия, нарушение конституционных прав свободы религии.

Я призываю верующих во всем мире, Всемирный Совет Церквей и другие религиозные организации, руководителей правительств стран, подписавших Соглашение в Хельсинки, добиваться немедленного освобождения Владимира Шелкова и его единоверцев – во имя гуманности, свободы религии и прав человека.

16 апреля 1978 года

Андрей Сахаров,
лауреат Нобелевской премии Мира

МИКОЛА РУДЕНКО

Микола Руденко прибыл в Мордовский лагерь № 19 2 декабря 1977 г. 22 декабря 1977 г. он получил личное свидание с женой — 3 суток. На свидании он говорил жене, что если ему лагерная администрация не будет мешать работать, то есть писать стихи, то он будет вести себя хорошо, то есть не будет участвовать в разных протестах и пр. В то время он работал в сушилке, где сушат дерево. Работа не тяжелая.

Но не успела жена уехать, как его тут же послали на тяжелую работу и отняли у него стихи. Руденко на это объявил голодовку. Через три дня стихи ему вернули, но работу заставляли выполнять непосильную, так как он инвалид войны и ранение в позвоночник мешает ему нагибаться. Он отказался выполнять эту работу, и его 20 января 1978 г. направили в тюремную больницу в Барашево для определения инвалидности.

В день ареста, 5 февраля 1977 года, он был инвалидом третьей группы и получал пенсию 120 рублей в месяц. Со дня ареста инвалидную книжку у него отняли и пенсию он больше не получает. Однако группу инвалидности ему установили, как писателю, который не выполняет тяжелой физической работы. Врачи так и говорили, что ему бы положено вторую группу инвалидности, но, как писателю, установили *третью*. В Барашево врачи установили ему вторую группу инвалидности и подтвердили, что он действительно не может выполнять тяжелую работу. Выписали его 10 февраля 1978 г. со второй группой инвалидности. Однако лагерная администрация заявила, что не работать совсем он не имеет права, и назначили его дневальным. На этой должности он и сейчас.

С 21 марта по 21 апреля 1978 г. Микола Руденко снова лежал в больнице в Барашево по поводу обострения раны в позвоночнике. 5 мая 1978 г. он получил общее свидание с женой на два часа. На вопрос, почему не на четыре часа, жене ответили, что, дескать, в этом виноват сам Руденко: он не записался и не включил себя в график на свидание на май месяц. Руденко же заявил жене, что у них нет никакого графика и никогда не было.

Так как ему положено два общих свидания, то жена спросила, когда можно получить второе. Ответили, что ровно через шесть месяцев, то есть 5 ноября. А личное – 22 декабря 1978 г.

Руденко сказал жене, что у него отняли все стихи, которые он написал за время ареста и заключения. Стихов очень много. Руденко собирается объявить голодовку и голодать до тех пор, пока ему не отдадут стихи.

Кроме того он сказал жене, что не может выполнить своего обещания не участвовать в протестах, так как спокойно жить и работать ему не дают.

Передать удалось только две пары носков, два носовых платка, одну авторучку *без стержня*, трусы, кусок мыла, тапочки, белье – 1 пара. Руденко сказал жене, что Осипов болен туберкулезом и его перевели в туберкулезное отделение.

Этот анонимный текст распространен Самиздатом – *Ред.*

О ПОЛОЖЕНИИ ЧЕРНОВОЛА

*Генеральному Прокурору СССР
от политссыльного Черновола
Вячеслава Максимовича (Якут-
ская АССР, Ленинский р-н,
пос. Чаппанда)*

З А Я В Л Е Н И Е

Обращаю Ваше внимание на безответственную деятельность ленинских районных сотрудников КГБ (Якутия), попирающих мои гражданские права и, между прочим, подрывающих и без того постоянно терпящую урон репутацию органов КГБ.

По указанию и при непосредственном участии ленинского отдела КГБ в селе Чаппанда уже за некоторое время до моего прибытия туда в ссылку ленинские районные сотрудники КГБ, прокуратуры и милиции начали беспрецедентную по масштабам тотальную обработку населения. Местному активу сообщили на собрании, что в селе скоро появится "враг народа" (обратите внимание на затаившуюся в "глубине" сталинско-бериевскую терминологию!), собиравшийся свергнуть советскую власть и получивший за это 7 лет лагерей и 5 лет ссылки (для большего устрашения мне срок маленько увеличили) ... Местному населению под угрозой принятия мер предписывалось ко мне не заходить, ни в какие разговоры со мной не вступать. С лицами, лучше знающими русский язык или находящимися на учете в милиции (ранее судимыми, нарушителями общественного порядка, пьяницами), проводились персональные беседы с предупреждением, что прибывающий в село "враг народа" обязательно попытается их использовать (!!!).

Мне, в частности, известно о проведении такой профилактики в Чаппанде прокурором Ленинского р-на Вешниковым, участковым милиционером Дормидонтовым и приезжавшим в село ленинским районным кагебистом (фамилию уточняю).

Напуганные якуты в первый день даже не отвечали мне на приветствие или бытовые вопросы, шарахались от меня, как

от зачумленного. Потом несколько осмелели и с оглядкой, один на один, начали сообщать подробности профилактики.

Создается впечатление, что ленинские районные руководители почему-то решили, что я прибыл в Чаппанду с горячим желанием искутить местное правоверное таежное население райским яблоком демократии или же агитировать якутов воссоединиться с Китаем. Разумеется, результат такой профилактики, проводившейся по популярному принципу "лучше перебдеть, чем недобдеть", не преминул сказаться. Без нее мой приезд мало кто заметил бы. Сейчас же мне приходится отделяться общими фразами от надоедливых попыток заводить со мной разговоры на политические темы (запретный плод-то сладок!). А шоферы на якутской трассе доверительно сообщили мне (не зная, с кем говорят), что в Ленинском районе снова появился политический, с которым запрещают общаться и к жилью которого подведена "подслушка".

Кстати, этот не типичный для Чаппанды красивый кабель, висящий с недавнего времени между моим жильем и соседней почтой, и обнаруженные мной на чердаке открыто запущенные от распределителя в мой потолок провода остаются пока подлинным памятником провинциального скудоумия и бесцеремонности. Ленинские районные кагебисты даже не сообразили, что такое неприкрытое вторжение в частную жизнь – это формально все же уголовное преступление (в других странах за такое изгоняют президентов) и с ним хотя бы для профформы надо таиться, как это делают в местах, не столь отдаленных ...

По всему видно, что ленинским районным кагебистам не терпится упрочить свою репутацию, заслуженную еще во время ссылки в Ленинский р-н А. Твердохлебова (имею в виду нашу-мевшие "мероприятия" в связи с приездом в гости к Твердохлебову академика А.Д. Сахарова с женой; увольнение людей с работы за знакомство с Твердохлебовым и пр.).

Сообщаю Вам о чрезмерном бдении ленинских районных кагебистов не потому, что испытываю острую потребность в чаппандинском таежном обществе, которое от меня отпугивают, или что мне так уж мешает привычная "подслушка" (конечно, неплохо было бы, чтобы одновременно с ее установкой хоть немного отремонтировали выделенную мне под жилье "развалюху").

Но для чего-то ведь существуют советские законы, в том числе определяющие статус ссыльного, и новая Конституция с ее гарантиями неприкосновенности жилья и тайны частной жизни?

10.IV.78 г.

В. Черновол

Издательство "Хроника"
регулярно, по мере поступления
публикует
ХРОНИКУ ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

По-английски ХТС выходит
в издании
"Международной Амнистии"
в Лондоне
Последний изданный выпуск – № 48

Для частных лиц – подписчиков
на
ХРОНИКУ ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ
скидка 30 %

О СВИДАНИИ С И. ГЕЛЕМ

Всем организациям и частным лицам, интересующимся положением в советских концлагерях, от жены политзаключенного Геля Ивана Андреевича Гель Марии Иосифовны, от матери заключенного Гель Февронии Ивановны и его дочери Гель Оксаны Ивановны

Обращение

20 марта 1978 г. мы приехали к политзаключенному Гелю Ивану в Мордовские лагеря на очередное свидание. Утром в 10 часов, когда я, жена Ивана Геля, подала администрации заявление о предоставлении нам трехсуточного свидания, мне ответили, что И.А. Гель свидания лишен. Для нас, родных, это было потрясающим ударом. Мы так долго ждали этого свидания, с таким трудом собрали необходимые средства и продукты, так тяжела всегда бывает дорога, когда приходится тащить на себе тяжелые рюкзаки и чемоданы, — что мы пришли в полное отчаяние от отказа. Нас никто заранее не предупреждал, что муж лишается свидания. Я обратилась к начальнику отряда т. Сотоеву с просьбой отменить приказ о лишении свидания, но он велел нам возвращаться домой, ибо он не может нарушить приказ. Я ответила, что мы не поедем, а сядем прямо здесь, под зонной, и будем голодать до тех пор, пока нам не дадут свидания, все мы — мать Ивана, 70-летняя больная женщина, я и моя 13-летняя дочь. Тогда Сотоев направил меня к начальнику отряда т. Некрасову, и тот предложил нам подождать до 21 часа, "а там будет видно". Было ясно, что администрация испугалась нашей угрозы. Тем не менее, поскольку ответ администрации был неясен, мы с 20 по 21 марта провели голодовку. 20-го ни в 21 час, ни позже мы никакого ответа не получили. Только вечером 21-го марта в 18 час. 35 минут нам сообщили, что мы можем взять продукты и вещи на одни сутки и идти на свидания.

ние. Я не согласилась на такое короткое свидание, но Некрасов сказал, что свидание продлят, когда оно начнется.

Два часа нам троим делали досмотр, раздевали всех догола и прощупывали каждый шов. Верхнюю одежду, пальто, не разрешили взять с собой.

В комнате свиданий был адский холод. Плитка, бывшая в помещении, через полчаса испортилась, и мы не могли даже вскипятить себе воду. Муж объяснил мне, за что его лишили свидания: накануне свидания он был в бане, у него стало плохо с сердцем, он задыхался и просил вызвать врача. Врач не приходил, а ему надо было идти на работу во вторую смену. Он не смог пойти на работу, и надзиратель написал докладную о том, что Гель лишается свидания за невыход на работу, хотя сам хорошо видел, что Иван совсем больной.

Днем 21-го в 2 часа дня пришли двое военных, забрали мужа и обыскали его. В кармане спецформы, выдаваемой для свидания (хлопчатобумажная куртка, а под ней только майка – муж дрожал от холода всю ночь и день, мы хоть были в вязаных кофтах), нашли стержень от шариковой ручки и из-за этого прекратили свидание, даже не позволив довести его до суток.

Мы все страшно измучились за время поездки, потратили на дорогу 250 рублей и столько же на продукты, которые пришлось везти обратно, и в результате не могли повидаться с дорогим нам человеком в спокойной обстановке.

24/III-78

Мария, Оксана и Феврония Гель

ЕЩЕ РАЗ ОБ АКЦИИ СОВЕТСКИХ ПОЛИТЗАКЛЮЧЕННЫХ "СТАТУС – 77"

Редакциям радио и газет

Нам стало известно, что вклад сов. политзаключенных в дело защиты прав человека, в Международный год узников совести, в год Белградского совещания не нашел, к сожалению, правдивого отражения в печати и по радио. Нам стало известно, что с таким трудом направляемая из сов. концлагерей информация о такой крупной политической акции, как "Статус-77", имевшей место в концлагере № 19 Мордовского управления лагерями, была кем-то искажена до неузнаваемости ... Вместо 11 человек, принявших участие в акции "Статус-77", были упомянуты только четыре человека (П. Айриян, В. Черновол, В. Осипов и М. Хейфец), а сама акция "Статус-77" – как полное неповиновение лаг. режиму в течение 100 дней (!) и серия предбелградских голодовок – была представлена как 10-дневная голодовка упомянутых выше лиц. Дабы дать правильное представление лишь о некоторых, но наиболее ярких событиях 1977 г. в концлагере № 19 (пос. Лесное), мы обращаемся к редакциям радио и газет выполнить сей раз нашу просьбу и свой профессиональный долг и довести до сведения общественности нижеследующий текст.

21 апреля 1977 г. советские политические заключенные концлагеря № 19 – С. Солдатов, В. Осипов, Г. Ушаков, М. Хейфец и Б. Шакиров – направили Председателю Президиума Верх. Сов. СССР заявления с уведомлением о своем переходе явочным порядком на 100 дней на "Статус политзаключенного СССР", что практически означало отказ от работы и полное неповиновение унижительным атрибутам лагерного режима (отказ от ношения нагрудной нашивки, от хождения строем, от многократных проверок, от стрижки волос наголо, от принудительной политобработки). Эта дерзкая акция носила чисто политический характер, была посвящена Белградскому совещанию, проходившему под девизом "Защиты прав человека и демократических свобод", Международному году узников совести и требовала введения "Статуса политзаключенного в СССР" – особого, отличного от уголовников режима содержания осужденных по политическим мотивам; последние не являются преступниками в прямом смысле этого слова, а объявляются таковыми лишь в силу недемократичности существующего в нашей стране режима. Наша 100-дневная акция сопровождалась также серией голодовок протеста против преследования инакомыслящих в СССР, против невыполнения всех и в полном объеме пунктов Хельсинкского Заключительного Акта в части защиты прав человека, а также Международного пакта о гражданских и политических правах и Всеобщей декларации прав чело-

века; голодовок протеста против принудительного полударового труда, против неприкрытой эксплуатации советских заключенных, как результата плохого питания и мед. помощи; против национальной и религиозной дискриминации; против применения к сов. заключенным тайного законодательства (закрытых писем, инструкций, приказов), ужесточающего условия содержания осужденных, против лишения обвиняемых в полит. деяниях права защиты в лице адвокатов по выбору самих обвиняемых (включая адвокатов из других стран); против запрещения советским политзаключенным встречаться с иностранными корреспондентами и представителями Международной Организации Красного Креста, Международной организации труда и др.; против ограничения свиданий осужденных с семьей до одного раза в год, направленного на разрушение семей осужденных; против запрета политзаключенным заниматься творческим трудом – и рядом других требований и протестов.

В канун начала работы Белградского совещания, с 12 по 15 июня, нами была объявлена 4-дневная непрерывная голодовка. Со 2 на 3 мая Г. Ушаков и С. Солдатов прибегли к новой форме протеста – объявляют голодовку, т.е. проводят сутки в карцере по пояс обнаженными в протест против насильственного, с применением наручников, стягивания нижнего белья с Г. Ушакова при очередном его водворении в карцер.

Среди всех нас, вставших на "Статус политзаключенного в СССР", ведущая роль и инициатива бесспорно принадлежат нашему товарищу Вячеславу Черноволу, перешедшему на "Статус" в индивидуальном порядке еще 12 декабря 1976 г., в одно из очередных водворений в лагерную тюрьму. 24 января 1977 г. объявляет о своем переходе на "Статус" М. Равиный. После того как 21 апреля 1977 г. пять политзаключенных встали на "Статус", к ним постепенно присоединяются и др. политзаключенные. 25 апреля встают на "Статус" Н. Будулак-Шарыгин и М. Карпенюк, 29 апреля – Р. Маркосян, 3 мая при водворении на 2 месяца в лагерную тюрьму подает заявление о переходе на "Статус" П. Айрикийн, который, однако, некоторые положения "Статуса" соблюдал еще с 12 февраля 1977 г.

После безрезультатных угроз и уговоров администрация концлагеря № 19 обрушивает на всех "статусников" град репрессий. Нас без конца бросали в карцер, в лагерную тюрьму, промежутки между карцерами сокращали до получаса; применяли наручники при насильственной стрижке волос и стягивании нижнего белья; конфисковывались наши письма и задерживались письма родных; конфисковывались все наши письма в высокие инстанции, в которых мы уведомляли о происходящем; противозаконно вскрывались, прочитывались и конфисковывались письма к заявлениям в прокуратуры РСФСР и СССР.

В результате репрессий администрации в отношении вставших на "Статус-77" заболели В. Осипов (28 июня переведен в санчасть, а еще через м-ц в больницу), Р. Маркосян (25 мая переведен в больницу, а затем переведен в Ереван). Больному В. Черноволу было грубо отказано

в лечении и в больнице, и только после многократных наших требований, а главное – после его 17-дневной голодовки (непрерывной), советские гуманисты только в ноябре м-це вынуждены были отправить его в больницу. П. Айрикян был направлен в санчасть только после окончания "Статуса", т.е. даже в начале августа. Администрация делает усилия рассредоточить вставших на "Статус". 15 июня в Таллинский следственный изолятор был увезен С. Солдатов. Там он продолжал выполнять положения "Статуса", за что и получил там еще 5 суток карцера. 21 июня был увезен в Морд. КГБ (г. Саранск) на обработку Б. Шакиров (как сказал ему там майор Трясоумов, чтобы облегчить его страдания). В этот же день был увезен в Саранск М. Карпенюк, который, не выдержав репрессий, сошел со "Статуса" 18 июня.

На конец 100-дневного "Статуса-77", на 31 июля, мы можем подвести следующие итоги:

- всего было проведено более 250 голодовок;
- отсижено 1040 суток карцера (по всем зонам, включая женскую);
- написано в различные инстанции более 600 заявлений и протестов и около 600 из них конфисковано;
- четыре человека заболели (В. Черновол, П. Айрикян, В. Осипов, Р. Маркосян), и лишь двоих из них направили в больницу;
- один человек не выдержал репрессий и сошел со "Статуса".

В заключение даем некоторые индивидуальные показатели:

1. Вячеслав Черновол (с 12 дек. 76 г. по 31 июля 77 г.) – 78 суток карцера, 126 сут. лагерной тюрьмы, 38 голодовок (одна 17-дневная голодовка);
2. Герман Ушаков (с 21 апреля по 31.07) – 80 суток карцера, 19 голодовок (из них одна 4 сут.), одна – холодовка;
3. Михаил Хейфец (с 21 апреля по 31.07) – 78 суток карцера, 20 голодовок (из них одна – 5 суток);
4. Сергей Солдатов (с 21 апреля по 31.07) – 78 суток карцера, 20 голодовок (из них одна 4-дневная);
5. Майгонис Равиньш (с 24 января по 31.07) – 60 суток карцера, 53 сут. лагерной тюрьмы, 13 голодовок (из них одна – 4-суточная);
6. Владимир Осипов (с 21 апреля по 31.07) – 38 суток карцера, 15 голодовок (из них одна – 5 суток);
7. Паруйр Айрикян (с 3 мая по 3.08) – 46 суток карцера, 38 сут. лагерной тюрьмы, 15 голодовок, из них одна – 5 суток;
8. Бобур Шакиров (с 21 апреля по 31.07) – 47 суток карцера, 5 голодовок (одна – 4-дневная);
9. Р. Маркосян (с 29 апреля по 25 мая) – 34 суток карцера;
10. Николай Будулак-Шарыгин (с 25 апреля по 31.07) – 10 суток карцера, почти все время провел в больнице;
11. Михаил Карпенюк (с 25 апреля по 18 июня) – 32 сут. карцера (одна 5-дн. голодовка, одна 2-дневная голодовка в январе).

В целом во время "Статуса-77" были проявлены большая выдержка,

стойкость, спайка и политическая зрелость вставших на защиту человеческого достоинства, выступивших и без того в трудных условиях в защиту прав человека. Хотелось бы надеяться, что этот наш скромный вклад в благородное и трудное дело защиты прав человека в год Белграда, в Международный год узников совести не останется без внимания и найдет отклик в сердце каждого честного человека, будь то студент, фермер или рабочий, президент или представители международных организаций.

Участники демократического движения Советского Союза –

Герман Ушаков – (подпись)

Сергей Солдатов – (подпись)

Март 1978 г.

В издательстве "Хроника"

готовится к изданию

книга

Владимира Буковского

И ВОЗВРАЩАЕТСЯ ВЕТЕР...

ОБ ОДНОМ ЭКСПЕРИМЕНТЕ ВО ВЛАДИМИРСКОЙ ТЮРЬМЕ ПРАВОВОЙ СТАТУС ЗАКЛЮЧЕННЫХ. ИЗБИРАТЕЛЬНЫЕ ПРАВА.*

“Случаев преступных посягательств при этом на избирательные права граждан зарегистрировано не было. Изложенное позволяет сделать вывод, что сам социальный строй и его закономерности служат надежной гарантией осуществления избирательных прав граждан, что уголовное законодательство, предусматривающее ответственность за воспрепятствование осуществлению избирательных прав (ст. 132 УК) и за подлог избирательных документов или неправильный подсчет голосов (ст. 133), имеет не столько практический, сколько чисто политический предупредительный характер”, — Курс советского уголовного права (часть особенная), т. III. Отв. ред. проф. Н.А. Беляев и проф. М.Д. Шаргородский, изд. Лен. ун-та, Ленинград, 1973 г., стр. 682.

При попытке заключенных (з/к) воспользоваться избирательным правом возникает специфическая ситуация. Мысль о проведении такого эксперимента была еще в 1975 г. высказана Владимиром Буковским (находившимся тогда во Владимирской тюрьме).

В 1977 г. политзаключенные (ПЗК) Влад. тюрьмы попытались осуществить такой эксперимент. На наш взгляд, эксперимент с выборами позволял особенно ярко выявить-показать некоторые принципиальные стороны правового положения з/к.

Возможность проведения эксперимента возникла в связи с опубликованием Указа Президиума Верхов. Совета РСФСР от ... о проведении 19 июня 1977 г. выборов в местные Советы. Эксперимент был проведен во Владимирской тюрьме следующими ПЗК: Витольдом Абанькиным, Владимиром Балахоновым, Романом Гайдуком, Георгием Давыдовым, Алексеем Сафроновым. (Количество участников могло бы быть и большим, но, поскольку для целей эксперимента это значения не имело, ограничились лицами, которые находились к началу эксперимента в камере 4-32. После начала эксперимента всех перевели в камеру 4-11, где названные лица продолжали эксперимент.)

Метод, которым мы пользовались, чрезвычайно прост. Основываясь на статье Конституции РСФСР, декларирующих принципы избирательной системы, и на Положении о выборах в местные Советы депутатов трудящихся РСФСР — попытаться реализовать свое право голоса, апеллируя в случае надобности во все возможные инстанции.

* Этот документ политзаключенных распространяется в Самиздате — Ред.

Ход эксперимента

Ст. 92 Положения о выборах в местные советы ...

"День выборов устанавливается Президиумом Верх. Совета РСФСР не позднее чем за 1,5 месяца до срока выборов ..."

Указом ПВС РСФСР от ... на 19.06.77 г. были назначены выборы в местные Советы.

6.04.77 г. Владимир Балахонов, находившийся в то время в карцере, подал администрации тюрьмы заявление с просьбой предоставить ему возможность принять участие в избирательной кампании по выборам в местные Советы.

15.04.77 г. он был вызван (из карцера) замполитом тюрьмы Касьяновым, который заявил: "Согласно положению о выборах, вы лишены избирательных прав".

Ст. 13 Положения о выборах. "В списки избирателей включаются все граждане, имеющие избирательное право и проживающие (постоянно или временно) к моменту составления списков на территории данного Совета, достигшие ко дню выборов 18 лет."

Ст. 15 Положения о выборах. "Не включаются в списки избирателей лица, признанные в установленном законом порядке умалишенными."

Ст. 16 Положения о выборах. "Списки избирателей составляются ... исполнительными комитетами ... Советов депутатов трудящихся ..."

Комментарий к ст. 16. "Исполнительные комитеты ... должны обеспечить, чтобы все избиратели были внесены в списки избирателей." (Комментарий и некоторые статьи Положения о выборах в местные Советы депутатов трудящихся РСФСР, М., "Юридическая литература", 1977, стр. 8.)

22.04.77 Владимир Балахонов и Алексей Сафронов подали – через администрацию тюрьмы – заявления на имя председателя местных Советов с просьбой включить их в списки избирателей. Свои заявления они мотивировали тем, что они являются совершеннолетними гражданами и временно проживают на территории этих Советов.

28.04.77 капитан Касьянов (замполит тюрьмы) вызвал в кабинет Сафронова и Балахонова и зачитал им постановление от 1.12.45 года по тексту, имеющемуся во 2-м томе "Сборника нормативных актов работника ИТУ". Мы приводим текст этого постановления по памяти (но поскольку его удалось выслушать несколько раз, то, надо надеяться, близко к оригиналу) :

"Постановление ПВС СССР от 1.12.45 г. О порядке внесения в списки избирателей лиц, имеющих судимость и находящихся под следствием". Далее следует гриф: "без права опубликования в печати". И, наконец, сам текст: "В связи с поступившими запросами

ПВС разъясняет. Лица, имеющие судимость или отбывающие наказание по суду и не находящиеся в местах заключения, *если они по суду не лишены избирательных прав*, вносятся в списки избирателей на общих основаниях. В списки избирателей вносятся также лица, находящиеся под следствием, но не находящиеся под стражей, *если они по суду не лишены избирательных прав*" (конец текста).

На этой же странице названного сборника есть примечание к этому постановлению, где говорится, что в соответствии с Указом ПВС СССР от 28.03.62 г. фразы "если они по суду не лишены избирательных прав" – исключены из постановления. (Эти фразы подчеркнуты нами.)

После зачтения постановления капитан Касьянов объявил Сафронову и Балахонову:

– Ваши заявления адресату отправлены не будут, а будут активированы и подшиты в ваши личные дела.

Балахонов, ссылаясь на ст. 36 ИТК РСФСР (право на подачу заявлений и порядок их обработки), а также на Указ ПВС СССР от 12.04.68 г. (о порядке рассмотрения предложений, заявлений и жалоб граждан – см. ст. 15 этого Указа), обжаловал неотправку администрацией тюрьмы его заявления.

5.05.77 г. по этой жалобе Балахонова вызвал инспектор политуправления УИТУ УВД Владимирского облисполкома капитан Н.Н. Гуляев. Гуляев сообщил Балахонову, что перед встречей с ним он (Гуляев) основательно подготовился, изучил соответствующую литературу, проконсультировался с рядом лиц, в том числе и с помощником прокурора Владимирской области Образцовым, и теперь вызвал Балахонова, чтобы дать ему исчерпывающий ответ. В оправдание существующего положения – лишение з/к права участия в выборах – Гуляев привел такие доводы:

1/ Ст. 8 ИТК предусматривает правовые ограничения для осужденных, вытекающие из требований режима содержания, сверх тех правовых ограничений, которые установлены законом. Разъясняя данное положение, Гуляев сослался на то, что Правила внутреннего распорядка (ПВР) не предусматривают организацию избирательных участков в местах лишения свободы (МЛС). А так как посещать избирательные участки вне МЛС осужденные не могут (в силу режимных ограничений), то тем самым осужденные (находящиеся в МЛС) лишаются права участия в выборах.

То есть он повторил то, что сказано по этому поводу в комментарии к ст. 8 Основ ИТЗ (см. Комментарий к Основам исправительно-трудового законодательства Союза ССР и союзных республик, Москва, "Юридическая литература", 1972, стр. 41).

2/ Гуляев сослался также на Постановление ЦИК СССР от 16.10.37 г. – в том виде, как оно толкуется в комментарии к ст. 8 Основ ИТЗ (сам текст Постановления от 16.10.37 г. в "Комментарии" не приведен).

3/ Гуляев упомянул также специальную брошюру "Обязанности и права (правовое положение) лиц, лишенных свободы", под ред. канд. юридич. наук А.Е. Наташева, изд. Политуправления МВД СССР, Москва, 1972. Он достал эту брошюру из своих бумаг, раскрыл на заложённой странице и прочёл:

"Право избирать (участвовать в выборах), не говоря уже о праве быть избранным, является почетным правом, и поэтому организация избирательных участков в МЛС неуместна".

Порассуждав еще некоторое время о "почетном праве", капитан Гуляев резюмировал:

— Все ваши заявления по вопросу выборов отправляться не будут, а будут активироваться и подшиваться в дело.

Ст. 22 Положения о выборах. "Заявления о неправильности в списке избирателей (невнесение в список, ...) подаются в исполнительный комитет Совета депутатов трудящихся, опубликовавший список, который обязан не позднее чем в трехдневный срок рассмотреть каждое заявление о неправильности в списке избирателей".

21.05.77 Витольд Абанькин, Владимир Балахонов, Роман Гайдук, Георгий Давыдов, Алексей Сафронов — основываясь на ст. 22 Положения о выборах — подали заявления в местный Совет. Г. Давыдов, например, адресовал свое заявление (о неправильности в списке избирателей) в исполком Владимирского горсовета.

25.05.77 капитан Касьянов объявил Г. Давыдову, что его заявление в горсовет направляться не будет. Он (Касьянов) утверждал, что з/к лишены избирательных прав, и ссылался при этом на Постановление ПВС СССР от 1.12.45 г. (см. выше).

Давыдов обратил внимание Касьянова на то обстоятельство, что вне зависимости от того, имеют з/к избирательные права или нет, его (з/к Давыдова) заявление в Горсовет должно быть отправлено в порядке ст. 36 ИТК РСФСР либо, если к этому есть основания, конфисковано. Иной же порядок обращения администрации ИТУ с заявлениями и жалобами з/к — не предусмотрен ни законом, ни подзаконными актами. Давыдов спросил Касьянова, чем он мотивирует свое нежелание отправить его (Давыдова) заявление, может ли он (Касьянов) опереться в своих действиях на какую-либо правовую норму. Из ответов Касьянова выяснилось, что он и не думает соотносить свои действия с какими-либо правовыми нормами. — Да, это моя воля, — раздраженно бросил Касьянов, кончая собеседование с з/к Давыдовым.

Примечание. Во Владимирской тюрьме существует такой порядок. Большинство подаваемых заключенными жалоб и заявлений проходит сначала цензуру замполита; он накладывает резолюцию: отправить (адресату) или — конфисковать. В случае благоприят-

ной резолюции заявление (или жалобу) возвращают в спецчасть, которая выполняет формальности по отправлению адресату.

Не имея возможности пробиться с нашими заявлениями в исполкомы местных Советов, мы решили обратиться в суд.

Ст. 233 Гражданско-процессуального кодекса РСФСР (ГПК). "Любое лицо, не согласное с решением исполнительного комитета Совета депутатов трудящихся по его заявлению о неправильностях в списках избирателей (невключение в список, ...), может в случаях, предусмотренных законом, подать на решение исполнительного комитета жалобу в суд по месту нахождения избирательного участка. В случаях подачи жалобы в суд без предварительной подачи заявления в исполнительный комитет Совета деп. трудящихся направляет жалобу в соответствующий исполнительный комитет с извещением об этом заявителя" (см. также текст ст. 24 Положения о выборах).

26.05.77 участники эксперимента (см. выше) подали жалобы в суд — на неправильности в списках избирателей в порядке части 2 ст. 233. Г. Давыдов, в частности, подал жалобу во Владимирский гор. суд.

Эти жалобы Касьянов (так же как и в предыдущих случаях) распорядился не отправлять. Чем снова нарушил ст. 36 ИТК РСФСР.

Ст. 129 Положения о выборах. "Всякий, кто путем насилия, обмана, угроз или подкупа будет препятствовать гражданину РСФСР в свободном осуществлении его права избирать и быть избранным в Советы деп. труд. РСФСР, несет установленную законом уголовную ответственность".

"Под признаки указанного преступления подпадают действия, препятствующие гражданину осуществлять любое из принадлежащих ему избирательных прав, в том числе быть включенным в списки избирателей" (Комментарий к Положению о выборах, стр. 63).

Ст. 132 УК РСФСР. "Воспрепятствование осуществлению избирательного права". "Воспрепятствование путем насилия, обмана, угроз или подкупа осуществлению гражданином СССР избирательного права — наказывается лишением свободы сроком до 2-х лет или исправительными работами на срок до одного года".

В п. 2 комментария к ст. 132 говорится: "Воспрепятствование осуществлению избирательного права выражается в создании условий, затрудняющих или исключающих возможность совершить действия, связанные с реализацией избирательных прав" (Комментарий к УК РСФСР, Москва, "Юрид. л-ра", стр. 297).

10.06.77 г. участники эксперимента подают заявления в суд (в порядке ст.ст. 109 и 110 УПК РСФСР) о привлечении замполита учреждения ОД-1-ст-2 (Владимирская тюрьма) капитана Касьянова к уголовной ответственности по признакам, подпадающим под действие ст. 132 УК

РСФСР. Так, Г. Давыдов подал заявление в суд Фрунзенского района г. Владимира.

16.06.77 г. заявление Г. Давыдова за № 3-874-Д – было направлено в суд.

Ответ за № 4/20 от 1.07.77 пришел из Владимирской областной прокуратуры за подписью пом. прокурора области, юриста 1 класса М.Н. Угненко:

”Сообщите осужденному Давыдову, что его заявление о возбуждении против Касьянова уголовного дела рассмотрено и оставлено без удовлетворения”.

Ч. 1 ст. 171 УК РСФСР. ”Превышение власти или служебных полномочий”. ”Превышение власти или служебных полномочий, т.е. умышленное совершение должным лицом действий, явно выходящих за пределы прав и полномочий, предоставленных ему законом, если оно причинило существенный вред ... охраняемым законом правам и интересам граждан, – наказывается лишением свободы на срок до 3-х лет, или исправительными работами на срок до одного года, или увольнением от должности”.

26.06.77 г. Г. Давыдов подал в тот же суд заявление о возбуждении против капитана Касьянова уголовного дела по ст. 171 УК РСФСР, мотивируя это тем, что капитан Касьянов в нарушение закона собственной волей запретил отправку адресатам ряда его заявлений и жалоб:

– от 21.05.77 – председателю исполкома Владимирского горсовета,

– от 26.05.77 – во Владимирский гор. суд,

– и от 30.05.77 – во Владимирский гор. суд на начальника УИТУ полковника Капканова по ст. 175 (должностной подлог, причинивший существенный вред правовым интересам Давыдова и лишивший Давыдова возможности добиваться реализации его избирательного права).

Капитан Дойников (инструктор по политико-воспитательной работе), объявляя о неотправке этого заявления, прокомментировал:

– Чего вздумали ??! В суд !? На Капканова!?!? Подавать?!?

Примечание. В описании хода эксперимента отсутствуют подробности о действиях всех участников эксперимента. Это обусловлено тем, что на заключительной стадии эксперимента его участники были помещены в разные камеры. Однако нам кажется, что даже приведенные данные дают представление об основных этапах и характере эксперимента, а также о специфике правового положения заключенного.

ПОСЛЕСЛОВИЕ К СБОРНИКУ "ТРЕВОГА И НАДЕЖДА"

Мне представляется целесообразным вновь остановиться на некоторых принципиальных вопросах, отраженных во многих документах этого сборника. Один из них — оценка роли движения за права человека в СССР и в Восточной Европе и соображения о позиции Запада по вопросу прав человека. Я хочу обсудить также общие проблемы международной и внутренней ситуации, в том числе проблемы разоружения, военно-политическое противостояние Востока и Запада, репрессии и другие нарушения прав человека в СССР, социальные проблемы. Большинство этих сложных проблем я вынужден, однако, коснуться слишком бегло.

Оппоненты движения за права человека в СССР и в Восточной Европе часто используют следующие аргументы.

1. Эти люди ("инакомыслящие") никого не представляют. Их единицы, никчемных, разочарованных, озлобленных людей. Основная масса народа их не поддерживает.

2. Для основной массы населения первичной проблемой являются социальные права — а в этом социалистические страны якобы далеко превосходят капиталистические. Чаще всего упоминаются бесплатное медицинское обслуживание, образование и т.д.

3. Центральный вопрос современности — обеспечение мира, то есть, с одной стороны, "разрядка" и переговоры о разоружении — тут "инакомыслящие" с их надуманными проблемами играют на руку холодной войне, с другой — обеспечение военной и экономической мощи социалистических стран, являющихся "оплотом мира".

4. Инакомыслящие защищают не реальные права широких масс населения, а только кучку своих попавших в беду единомышленников. Вся эта "борьба за права человека" не более чем самоподдерживающаяся машина. Те, кто сегодня заявляет о нарушении прав политзаключенных в лагерях, завтра сами оказываются в лагерях, и их защищают новые будущие жерт-

вы, не давая оборваться цепочке репрессий и протестов и принося реальный вред стабильности общества и авторитету страны. Эта борьба в широком смысле бесцельна, лишь плодит страдания и "дает работу" КГБ.

5. Внимание западной прессы и общественности к инакомыслящим гипертрофировано, не пропорционально их реальному значению.

Что можно сказать об этих аргументах? Они *могут* производить определенное впечатление, но в их основе лежит не глубинная правда жизни, а в лучшем случае — полуправда, с которой смешана ложь тоталитарного государства, подчиненной ему пропаганды, лежит созданное десятилетиями смещение понятий и принципов.

Да, инакомыслящих единицы (а как еще иначе это может быть в государстве, где каждый — государственный наемный рабочий или чиновник и все находятся в тотальной зависимости от государства). Инакомыслящие — не генералы без армии, потому что они не генералы и не офицеры какой-либо армии. Представляют они только самих себя, свою свободную мысль и свою совесть. Но для тоталитарного монолита — это очень много, это качественный скачок, освобождающий сознание миллионов людей — тех, которые, прийдя с работы, каждый день крутят ручки своих транзисторов. Это то, в чем заинтересован весь мир, десятилетиями живущий рядом с тоталитарным колоссом.

Инакомыслящие — диссиденты, верующие, желающие эмигрировать — часто жертвы репрессий. Это происходит в государстве с очень низким уровнем правосудия и уважения к закону, в государстве, где система лагерей и тюрем традиционно является чрезвычайно жестокой и играет важную роль поставщика рабочей силы. Разве не естественно, что защита узников совести, попытка помочь их семьям и им самим является важнейшей составной частью (но не самоцелью) защиты прав человека? И не вина инакомыслящих, а особенность нашего государства, что такая деятельность преследуется властями наравне с самыми тяжелыми уголовными преступлениями. И меньше всего жертвы среди инакомыслящих — самоцель (именно поэтому мне кажется в ряде случаев оправданными и даже необходимыми эмиграция или отход от активной деятельности тех дис-

сидентов, для которых в наших условиях единственной немедленной перспективой является заключение или психбольница; к ним относится большинство вышедших из заключения — для них власти противозаконно создают нечеловеческие условия, люди, состоящие на психиатрическом учете, и некоторые другие).

Запад стал уделять внимание инакомыслящим. Если в тридцатые-сороковые годы миллионы лояльных граждан в безмолвии погибали от организованного голода и свирепых репрессий, а Запад — как целое: правительства, большая пресса, большинство интеллигенции — молчал, то в шестидесятые-семидесятые годы молчание стало невозможным. Это один из результатов героической борьбы за гласность нескольких сотен инакомыслящих в многомиллионной стране. Мы уверены, что знание истинного положения в СССР и Восточной Европе, так же как положения во всем остальном мире, — жизненно необходимо в первую очередь для самого Запада. Защита же жертв репрессий, защита гражданских и политических прав — это важнейшая составная часть борьбы за международную стабильность и доверие. Хотя эта мысль получает все более и более широкое признание, необходимы дальнейшие усилия для полного претворения ее в жизнь. Многие общественные деятели Запада это уже поняли, но все еще существуют близорукий прагматизм, в особенности среди политических деятелей, легкомысленная надежда на мгновенное решение самых сложных проблем мира и справедливости, а иногда — использование жгучих проблем прав человека, за которыми стоят человеческие судьбы, для банального политиканства.

Что можно сказать по поводу упрека, что инакомыслящие с их борьбой за права человека мешают разрядке и обеспечению мира? Проблемы мира и разоружения имеют безусловный приоритет в век термоядерного оружия — это лейтмотив моей общественной деятельности с самых ее истоков. Неправильно думать, что эти проблемы находятся в противоречии с борьбой за права человека, как это старается представить советская пресса, а иногда и недалёковидные деятели Запада. Я не буду останавливаться на "блестящих" пассажах советской прессы на эту тему, так как в них не содержится какой-либо

реальной аргументации. Но вот недавно нам пришлось слышать по радио комментарии нескольких американских и европейских газет об итогах визита Венса в Москву в апреле 1978 года.

Большинство комментаторов сходилось тогда на том, что год назад четкая политика Картера в вопросах прав человека явилась главной причиной неудач переговоров с Громько об ограничении стратегических вооружений, а достигнутый сейчас прогресс (масштабы которого неизвестны, но комментаторы ссылаются на более оптимистический тон официальных высказываний) — якобы результат "смягчения", "размытия" позиции Картера. С моей точки зрения, такие комментарии являются примером того недальновидного прагматизма и поверхностного анализа, о котором я только что упоминал. В них все поставлено с ног на голову, не говоря уж о том, что это — удар в спину всем борцам за права человека.

В приведенном в сборнике интервью шведскому радио от 4 апреля 1977 года я сказал, что выявившиеся тогда трудности носят глубокий характер, их нельзя было обойти стороной. Они связаны с существенными недоговоренностями Владивостокского соглашения, с традиционными особенностями советской политики и с некоторыми новыми техническими моментами, но никак не с проблемами прав человека.

И тогда, и сейчас я не рассматриваю переговоры 1977 г. как неудачу американской политики — они продемонстрировали динамичный и конструктивный характер американской позиции, способствовали в какой-то степени избавлению Запада от некоторых опасных иллюзий, легли в основу дальнейших переговоров и важных решений.

Мне кажется очевидным, что твердая политика в вопросе прав человека не могла и не может ничего "испортить", напротив, она показывает, что Запад не поддается на шантаж, чужд слабости и неуверенности, последовательно защищает принципы, имеющие такое фундаментальное значение для нашего общего будущего. И наоборот, слабость, "маневрирование" в вопросе прав человека немедленно ослабляют позицию Запада на всем "фронте" разрядки.

Переговоры о разоружении имеют существенное значение. Они самим фактом своего проведения, как можно надеяться, в

какой-то степени уменьшают вероятность возникновения большой войны. Они, однако, не могут устранить причин военно-политического противостояния. Они приводят к некоторому ограничению военных расходов, это очень важно, но, к сожалению, реальным это ограничение оказывается главным образом для Запада. До сих пор (насколько мне известно) никакие договорные ограничения не могли заставить военно-промышленный комплекс СССР отказаться хотя бы от одной проектируемой системы оружия, уменьшить численность армии, авиации, танков, артиллерии, тактических и стратегических ракет. Я говорю о реальном сокращении, а не о так называемом "ограничении потолка". Поэтому Запад вынужден сопровождать переговоры о разоружении — и даже предварять их — заботой об усилении своего вооружения.

Особенно опасна ситуация несбалансированности сил в Европе, которая незаметно впадает в политическую и экономическую зависимость от СССР.

Переговоры о разоружении, как бы они ни были важны, могут дать решающие результаты только при разрешении более широкой (и более сложной) проблемы военно-политического и идеологического противостояния, включающей в себя вопрос прав человека. Свободный обмен информацией как внутри страны, так и в международном масштабе, свобода перемещения, заграничных поездок людей, свобода выбора страны проживания — все это выходит на первый план как условие международного доверия, ослабления остроты противостояния. Если в стране нет гражданских свобод, нет гласности, нет свободной, не зависимой от властей прессы, то нет и общественного контроля действий власти и ее чиновников — это не только несчастье ее граждан, ничем не защищенных от произвола и беззакония, но и угроза международной безопасности.

Большое беспокойство вызывают связанные с противостоянием аспекты политики СССР — стремление к военному превосходству во многих районах мира, стремление к расширению зон влияния, часто имеющее ясный стратегический подтекст, поддержка самых опасных международных сил. Планомерное наращивание военной мощи — от танковых армий до ракет с разделяющимися боеголовками и самого мощного в мире подводного флота — сопровождается шумными демагогически-

ми кампаниями, вроде посвященной "нейтронной бомбе" (точнее — "оружие усиленной радиации"; как всякое оружие, оно не является, конечно, гуманным, но это — преимущественно оборонительное оружие, обладающее только локальным действием и предназначенное поэтому для операций против танков и колонн бронетранспортеров в густонаселенных районах, в особенности в Европе, где легкомыслие населения и руководителей, предрассудки и инспирированная демагогия привели к тому, что танковые силы НАТО многократно уступают силам СССР и его союзников).

Советская и просоветская пропаганда, не имея аргументов в вопросе о гражданских и общественных правах, старается обычно перевести обсуждение на так называемые социальные права. Но на самом деле с ними дело обстоит не лучше — только разобраться в этом на расстоянии трудней, чем в явных нарушениях, например, прав иностранных корреспондентов. Отсутствие публикуемых статистических данных, цензура на все, что может произвести неблагоприятное впечатление, затрудняют это даже для живущих в стране. В своей книге "О стране и мире" я пытался, не претендуя на особенную глубину анализа, рассказать о нашей социальной системе, как она воспринимается изнутри. За прошедшие годы мало что изменилось. Несколько возросла (вероятно, до 150 р., а по справочнику, с включением общественных фондов потребления, даже выше) средняя месячная зарплата, но одновременно имела место явная и скрытая инфляция, которая с избытком "съела" этот рост (одна из форм скрытой инфляции — резкое ухудшение качества товаров для населения, т.е. в открытой продаже, с сохранением прежней цены; при этом в специальных магазинах для начальства — качество прежнее; на некоторые товары, наоборот, резко увеличены цены — на кофе, например, в 4,5 раза). А вот интересная для западного читателя особенность системы медицинского обслуживания (якобы бесплатного). Не только больные, лечась дома, но и лежащие в больнице вынуждены сами "доставать" себе лекарства, я уж не говорю о массе "неофициальных" расходов рядового больного. Сохранились и даже усилились такие внушающие тревогу черты нашей жизни, как повальное пьянство, всеобщая озлобленность, упадок уважения к массовым интеллигентным профессиям врача и учи-

теля, рост преступности (особенно среди молодежи), национальная рознь, жестокая и часто несправедливая судебная система, бюрократизация аппарата, кастовое расслоение общества.

Недавно Хельсинкская группа опубликовала документы о положении пенсионеров и инвалидов, основанные на изучении огромного числа законов и нормативных актов и других документов; я всячески рекомендую их вниманию читателя. Я считаю, что детальное ознакомление западной общественности с социальным положением населения нашей страны очень важно для разоблачения мифов советской пропаганды и выяснения истины, а также потому, что без этих знаний трудно понять что-либо в нашей жизни, во внешней и внутренней политике СССР, а также в перспективах социализма в других странах и в тому подобных вопросах.

В отраженный в сборнике период и в последующие месяцы произошел ряд важных событий в области борьбы за права человека. Продолжалось развитие и распространение идей защиты прав человека, возникли новые формы борьбы, проходила конференция в Белграде, на которой этот вопрос занимал центральное место, произошли другие события международного значения. Развитие движения за права человека в Чехословакии (великолепная "Хартия-77"), в Польше (Комитет защиты рабочих и другие начинания), в СССР (Хельсинкские группы), в некоторых других странах Восточной Европы происходило с несомненным идейным и тактическим "чувством локтя"; это, несмотря на отсутствие организационной связи и контактов, позволяет говорить о формировании единого движения Восточной Европы и СССР. Еврокоммунисты в Италии, Испании, Франции сформулировали свою новую позицию в отношении прав человека. Президент США Картер в инаугурационной речи провозгласил защиту прав человека во всем мире моральной основой политики США. Нобелевская премия Мира за 1977 год присуждена "Эмнисти Интернейшнл". Наиболее значительным выражением победы идеи прав человека явилась политическая амнистия в Югославии, Индонезии, Чили.

Но в то же время в ряде стран продолжают и даже усиливаются политические репрессии, дискриминация, национальные и религиозные преследования и другие нарушения прав человека. Напомню некоторые факты последнего времени,

не нашедшие отражения в сборнике. Я пишу только о том, что знаю не из радио или газет, то есть о происходящем в СССР. Но я не забываю о страданиях и гибели людей, массовом нарушении прав человека во многих странах — в Камбодже, Вьетнаме, Уганде, Бразилии, Парагвае и в некоторых других странах Южной и Центральной Америк и Африки, Иране и других странах — этот список длинен.

На Украине арестован член Хельсинкской группы Л. Лукьяненко, ранее отбывший 15-летний срок заключения по политическому обвинению. В Армении арестованы члены Хельсинкской группы Р. Назарян и Ш. Арутюнян — последний по сфальсифицированному уголовному обвинению в сопротивлении властям при задержании. В Грузии арестованы Пайлодзе, Рцхиладзе (члены Хельсинкской группы) и А. Имнадзе. По ложному, неправомерному обвинению "в уклонении от общественно полезного труда" (т.н. тунеядство) осуждены к одному году заключения члены Хельсинкских групп Петр Винс (сын находящегося в заключении религиозного руководителя баптистов Георгия Винса) и Григорий Гольдштейн (ученый и изобретатель, подвергающийся преследованиям за участие в Грузинской группе и желание эмигрировать в Израиль). По этому же обвинению, дающему широкие возможности расправы с любым нежелательным властям человеком, осужден рабочий с 32-летним трудовым стажем Иван Вагнер, добывающийся выезда в ФРГ. В Киеве на 7 лет заключения и 5 лет ссылки каждый осуждены члены Хельсинкской группы Матусевич и Маринович. В Литве чудовищно жестокий приговор вынесен бывшему узнику сталинских и послесталинских лагерей Балису Гаяускасу (10 лет заключения и 5 лет ссылки за участие в деятельности Фонда помощи политзаключенным — все это после отбытия им 25 лет заключения в 1949-1974 гг.). В Ташкенте арестованы 6 членов религиозной общины адвентистов 7-го дня, издавна жестоко преследуемой властями за независимую позицию в церковных вопросах; в числе арестованных — 83-летний духовный руководитель общины Владимир Шелков, ранее проведенный в заключении 23 года. Сразу за окончанием Белградского совещания мы узнали об указах Президиума Верховного Совета СССР, по которым гражданства СССР по голословным обвинениям были лишены: Петр Григоренко, один из самых вы-

дающихся участников движения за права человека, заслуженный боевой командир и инвалид 2-й мировой войны, за общественные выступления лишенный воинского звания генерал-майора и присужденный к заключению в психиатрической тюрьме, где он провел более 4 лет, член Московской и Украинской Хельсинкских групп; а также всемирно известный виолончелист Мстислав Ростропович и его жена Галина Вишневская. Вот уже много лет продолжают преследования баптистов, пятидесятников и членов других независимых религиозных общин; продолжают преследования и дискриминация крымских татар, добывающихся права жить в Крыму; другие проявления дискриминации по национальным, религиозным и другим признакам. Сотни политзаключенных (к которым в эти месяцы присоединились осужденные к 7 и 10 годам заключения и 5 годам ссылки члены Хельсинкской группы Микола Руденко и Олекса Тихий) продолжают свой путь борьбы и страданий в лагерях, тюрьмах и психбольницах, ежедневно противостоя голоду и холоду, непосильному труду, ограничениям права на свидания и переписку с родными и другими проявлениями произвола. Продолжаются ограничения права на свободный выбор страны проживания, являющиеся прямым нарушением Пактов о правах и Хельсинкского Акта. Эти нарушения наносят ущерб международному доверию и взаимопониманию; их жертвы — евреи, немцы, украинцы, русские, литовцы, армяне, люди других национальностей.

Я назвал арестованных и осужденных в последние месяцы членов Хельсинкских групп; все еще ждут суда арестованные более года назад Юрий Орлов, Александр Гинзбург, Анатолий Щаранский, Звиад Гамсахурдиа, Мераб Костава, арестованный более 9 месяцев назад Викторас Пяткус. Репрессии против людей, связавших свое имя и общественную деятельность с подписанным в Хельсинки 35-ю государствами Актом, гарантирующим соблюдение прав человека, занимают особое место в тактике властей страны, где эти права систематически нарушаются. Непосредственная цель — пресечь поток информации. Цель эта явно неосуществимая, и действия репрессивных органов носят в этом плане, так сказать, рефлекторно-бюрократический характер. Этот механический, бездушный характер политических репрессий в СССР делает их особенно жестокими

и несправедливыми, особенно по отношению к малоизвестным людям и к тем, кто уже имел судимость по политическим обвинениям. Но в данном случае, как я думаю, "мозговой центр" КГБ преследует и более изощренные цели. Арестовав членов Хельсинкских групп и демонстративно осудив некоторых из них с жестокостью, которую нельзя не заметить, советские власти поставили западных участников Хельсинкского Акта и Белградской конференции перед прямым вызовом, перед трудной дилеммой: или единым фронтом защищать провозглашенные в Хельсинки принципы и бескомпромиссно требовать освобождения всех без исключения арестованных и осужденных, рискуя при этом обострением отношений с СССР и странами Восточной Европы, или капитулировать, отступить перед вызовом, ослабив тем самым свои позиции не только в вопросах прав человека и не только в Белграде, а во всех аспектах разрядки; при этом в любом случае, даже при частичной неудаче этого замысла, власти могли рассчитывать, что "свежие" репрессии отвлекут внимание от всех других массовых и постоянных нарушений прав человека в СССР. Самое же главное, что следует иметь в виду, — весь этот замысел представляет собой блеф: ведь именно советская сторона больше всего заинтересована в не связанных с правами человека аспектах Хельсинкского Акта, а Запад преимущественно заинтересован в свободе обмена информацией, в свободе выбора страны проживания и заграничных поездок, в других гражданских и политических свободах. Все эти мысли я и другие диссиденты неоднократно формулировали в ряде документов, но мне представляется уместным повторить их вновь.

С закрытием Белградской конференции закончился очередной акт Хельсинкской драмы. Здесь не место давать развернутую оценку действиям на ней социалистических и западных стран и значению конференции в целом. Определенное разочарование вызвала вялая позиция по вопросам прав человека ряда крупных европейских стран в ходе конференции и отсутствие прямого упоминания проблемы прав человека в итоговом документе. Тем не менее я рассматриваю конференцию как чрезвычайно важное событие с далеко идущими последствиями. Впервые обсуждение конкретных нарушений прав человека происходило на столь представительном международном

уровне, к этому обсуждению было приковано внимание прессы, политических деятелей, мировой общественности; несмотря на отмеченные нечеткости и компромиссы, Запад в целом дал ясно понять, что вопрос соблюдения прав человека имеет принципиальное значение и будет всегда оставаться в центре внимания. Перманентность проблемы прав человека воплощена в решении о предстоящей встрече в Мадриде.

Сейчас, на новом этапе и в преддверии очередной серии судов над членами Хельсинкских групп, я вновь призываю общественность, политических деятелей Запада, все организации и лица, ответственные за контакты с СССР и со странами Восточной Европы в области науки, культуры, торговли и технологии, — внимательно следить за сообщениями о нарушениях прав человека в СССР и Восточной Европе и сделать все возможное для их предотвращения и исправления. Необходимо использовать все возможные рычаги воздействия — тайную и явную дипломатию, прессу, демонстрации, другие действующие на престиж средства, бойкот, отказ от сотрудничества в той или иной области, законодательные ограничения торговли и контактов, подобные знаменитой поправке Джексона-Ваника, обмена заключенных — для спасения отдельных людей, жертв произвола и беззакония, и для спасения целых категорий подвергающихся несправедливости или дискриминации, для изменения противоправной практики. Я вновь подчеркиваю особое значение защиты всех без исключения арестованных и осужденных членов Хельсинкских групп — в силу обстоятельств эта защита стала пробным камнем решимости и последовательности Запада и проверкой доброй воли и разумности советской стороны, стала важным международным делом. Очень важно во всех кампаниях защиты не дать возможности разделить арестованных и осужденных на главных, которым предстоит более легкая участь и гласность, и второстепенных, с которыми власти смогут расчитаться, как им хочется и в тишине. Я призываю создать единый комитет защиты всех членов Хельсинкских групп, объединив усилия действующих персональных комитетов.

Об обмене заключенных: я от всей души приветствовал обмен Луиса Корвалана и Владимира Буковского, как акт разума и гуманности, принесший свободу двум людям. Я надеюсь на дальнейшие обмены для спасения тяжелобольных, женщин, полит-

заключенных, ставших жертвой особо тяжелой несправедливости, пользующихся по той или иной причине особой известностью. Я смотрю на обмены, как на акт гуманности, не рассматривая их с политической или формально юридической точек зрения. К сожалению, стало известно, что на Западе широко распространена другая точка зрения, которую можно назвать формально юридической, осуждающая обмены. Сторонники этой точки зрения есть даже в такой беспристрастной и гуманной организации, как "Эмнисти Интернейшнл". Все они, по-моему, не учитывают, как трудно вырвать человека из заключения в тоталитарном государстве и какое счастье, если это все же удастся. Обмен заключенных — это не торговля, поэтому никакие соображения эквивалентности не должны волновать.

С горьким чувством я услышал рассуждения официальных представителей Госдепартамента о том, что невиновность Шаранского в шпионаже может быть якобы препятствием к его обмену.

* * *

Главное значение этого сборника, по-моему, в его документальности, в полном и точном воспроизведении подлинных документов и в точных, исчерпывающих комментариях составителя. Подобная публикация особенно важна для нас в условиях нашей страны, в которой все мы лишены большинства обычных в не тоталитарных странах возможностей связи и публикаций.

Те документы, которые опубликованы в сборнике, как правило, передавались мною на Запад с целью публикации в западной прессе и в надежде, что они как-то прозвучат в передачах зарубежных радиостанций. Эти передачи представляют собой почти единственный источник информирования людей в нашей стране о тех проблемах, о которых умалчивают официальные органы информации.

К сожалению, я (как и многие мои друзья, для которых, как и для меня, гласность — единственное средство общественной деятельности) испытываю постоянные трудности и разочарования при необходимом для нас сотрудничестве с западными

средствами информации. Слишком часто наши сообщения бесследно исчезают, причем нередко в самых трагических случаях, или публикуются в неточном пересказе или в искаженном виде; в передачах зарубежного радио эти искажения дезинформируют миллионы людей — опускаются имена жертв преследований, опускаются самые важные детали, а часто имеет место просто небрежность. Наша борьба за гласность происходит в тяжелейших условиях и сопровождается серьезными жертвами. Недопустимо, чтобы часть плодов этой борьбы пропадала зря от таких непринципиальных причин. Я не раз писал и говорил об этом. Лично для меня, для моей общественной деятельности (как и в личном плане) положение особенно обострилось, когда с 1974 года власти блокировали мои международные телефонные переговоры.

Сборник не может, конечно, быть таким актуальным, как радио и пресса, сегодня его материалы имеют большей частью ретроспективный характер — и тем не менее, при условии полноты и точности, он представляется мне полезным и нужным.

Я кончаю это послесловие в дни, когда чудовищное, ужасное своей хладнокровной, подлой жестокостью убийство одного из лучших людей Италии Альдо Моро потрясло мир. У Запада много забот. Жизнь сложна, трагична, вовсе не безоблачна и на Западе. Я это знаю и чувствую сегодня, может быть, острее, чем обычно. Но я знаю и другое. Большинство проблем и трагедий, возникающих на Западе, так же как возникающих в тоталитарных странах, носят общечеловеческий характер. Такие события, как убийство Моро, волнуют нас, лишенных демократических свобод, не меньше, чем тех, чей демократический мир пытаются взорвать и разложить "Красные бригады" и им подобные. На самом деле мы все соединены одной цепью, в этом наша судьба и наша надежда.

12 мая 1978 года

Андрей Сахаров

Это послесловие к сборнику "Тревога и надежда" прислано А. Сахаровым уже после издания сборника в "Хронике-Пресс" (1978 г., цена \$ 8.00).

СОВЕТСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ И ПСИХИАТРИЯ*

В настоящее время среди большинства диссидентов (в СССР) и ряда сочувствующих им лиц на Западе утвердилось мнение о так называемом "психиатрическом терроре" в СССР. Под этим термином понимается *намеренный* сговор госаппарата (а конкретнее – КГБ) с психиатрами, осуществляющими судебно-психиатрическую экспертизу лиц, привлекаемых к уголовной ответственности по политическим (64-74) статьям Уголовного кодекса РСФСР (и аналогичным статьям кодексов других ССР).

Мнение это возникло и утвердилось сравнительно недавно (с конца 60-х годов) и на взгляд относительно беспристрастного человека в значительной мере ошибочно. Поэтому (из-за его ошибочности) этот взгляд до сих пор не поддержан специалистами всего мира, а не только СССР.

Идея компрометации своих политических противников (в случае, если простое отсечение головы по тем или иным соображениям явно неудобно) родилась в головах государственных деятелей очень давно, и одним из средств компрометации было объявление "инакомыслящего" психически больным. (Кстати, "инакомыслие" в современной психиатрии является синонимом болезненно измененного мышления, не имеющего нормального мышления и поэтому не поддающегося пониманию так называемого нормального человека.)

Однако в практике дискредитация с помощью средств психиатрии в прошлом встречалась значительно реже, чем это изображалось легендами, литературными произведениями и "историческими" сплетнями.

Строго говоря, психиатрия чаще применялась для сокрытия от карающей лапы государственности тех, кому грозило тяжелое наказание. Но это в прошлом.

А как развивалось взаимодействие государства и психиатрии у нас?

Во время тотального антинародного террора государства (начиная с 1918 года) вопрос о выделении психически больных из потока репрессированных по политическим мотивам остро не стоял. Даже в 40-е (послевоенные) годы среди "политиков" можно было встретить настоящих душевнобольных, отбывших срок в лагерях (один из таких, мнивший себя царем, описан даже у А.И. Солженицына в "Архипелаге ГУЛаг"). При отсутствии зачатков законности помещение душевнобольного за колючую проволоку не могло вызвать каких-либо осложнений в жизни исполнителей ...

* Этот анонимный текст распространяется в Самиздате – *Ред.*

Те же, кто попадал на принудительное лечение, оседали в психиатрических больницах общего типа, откуда они довольно быстро, если позволяло психическое состояние, выходили "на свободу". Даже те, которые попадали в Казанскую (тюремную) психиатрическую больницу (унаследованную, как и весь полицейский аппарат, советской властью от проклятого царского прошлого), тоже не задерживались там надолго. (Неплохо может рассказать об этом Евдокимов, знакомый с Казанью еще по студенческим своим "сидкам".)

К 1950 году в деятельной головке "Органов" появилась (не без подсказки администраторов больниц) идея освобождения психиатрических больниц страны от больных с так называемым "контрреволюционным бредом" (читатель должен знать, что контрреволюцией считалось всякое высказывание против властей, начиная от управдома и кончая председателем СНК, в первые годы после революции, а потом было в официальном языке заменено словом "антисоветский", но в быту еще долго существовал термин "контрреволюция"). В дополнение к существовавшим были открыты еще несколько психиатрических больниц тюремного типа. Под них были заняты без переделки помещения тюрем, охрана осуществлялась точно так же, как в тюрьмах – внутри безоружные надзиратели в полной униформе МВД, снаружи – вооруженные винтовками с боевыми патронами солдаты. В эти тюрьмы-больницы были свезены больные из лагерей, психиатрических больниц общего типа, а в дальнейшем поступали лица, признанные невменяемыми и осужденные на принудительное лечение в тюремных больницах. Тот факт, что тюремные психиатрические больницы были созданы ради изоляции "антисоветчиков", не вызывает сомнения, т.к. известно, что более 60% больных, находившихся в этих больницах до середины 50-х годов, были осуждены или привлечены к ответственности по "политическим" статьям. Остальные являлись общественно опасными больными, совершившими различные уголовные правонарушения.

При создании тюремных больниц их организаторы предусматривали психиатрические репрессии лиц с не угодным строем умонастроением. Но был ли сговор с психиатрами? Факты показывают, что этого сговора не было. Т.е. не было целенаправленного указания о признании негодно мыслящих душевнобольными. Нужды в таком указании не было, и вот почему.

В период развернутых репрессий стихийно возникла (среди психиатров) тенденция "прикрывать невменяемостью" людей, попавших под удар государственных террористов по политическим мотивам. Эта тенденция выросла из корней старой либеральной интеллигенции, дух которой проник в среду новой интеллигенции. Среди прочих причин этому способствовал естественный стихийный человеческий протест против зверств, творимых режимом. На протяжении всего периода деятельности советской психиатрии не было ни одного случая, когда бы при повторной экспертизе привлеченного по политической статье отменялось ранее поставленное заключение о невменяемости. И даже в тех случаях, когда диаг-

ноз психического заболевания изменялся, у членов повторной комиссии находились доводы оставить заключение о невменяемости (т.е. ответственности за преступление) неизменным. (Например, В. Буковский испытал эту "добродетель" психиатров на себе.) Даже печально известный безвременно погибший Д. Луиц в доверительных беседах утверждал, что он лишь из добрых намерений иногда "сгущал краски", выхватывая жертвы из лап КГБ, когда признавал их неотвественными в силу болезненного психического состояния.

Такая тенденция психиатров не могла быть не замечена властями, а затем и использована. По существу, психиатры после организации сети тюремных больниц могли лишь избавить жертву от помещения в лагерь. Направление и изъятие больного из тюремной больницы является прерогативой судебных органов, которые, как известно, выполняют не только инструкции, но и намеки властей. Таким образом создание тюремных психиатрических больниц не только "обезвредило" либеральные тенденции психиатров, но и создало условия для использования этих тенденций в государственных (репрессивных) целях. Как видите, какой-либо сговор между КГБ и психиатрами и не требовался. Пока шло оголтелое уничтожение всего передового, свободомыслящего, репрессивное значение тюремных псих. больниц находилось в тени и пребывание в них казалось (да и действительно являлось) избавлением от лагерной "истребиловки". (Надо помнить, что в этот период не было еще лекарств, которые можно было применять непрерывно с целью лишения человека умственной и физической активности, а самое опасное средство – электрошок – по традиции в нашей стране не пользовался у психиатров уважением.)

Как раз в период 50-х годов в тюремных больницах находилось много больных, которые впоследствии оказались полностью работоспособными и не имеющими признаков того заболевания (в основном, шизофрении), которое им приписывалось судебно-психиатрической экспертизой. И характерно, что в тот период ни у кого, в том числе у самих пострадавших, не возникало мысли протестовать против своего положения (протесты против помещения в псих. больницу исходили, как и во все времена, только от несомненно больных).

После хрущевских эксцессов тюремные больницы обезлюдели за счет массовой выписки оттуда так называемой "58-й статьи" (политические преступления в тогдашнем УК РСФСР формулировались в ст. 58-1 – 58-14).

Новая волна попустуления психически больных с "политическим уклоном" в тюремные больницы началась почти сразу же после "ослабления" на фоне хрущевско-микояновского вранья об отсутствии политзаключенных в СССР. Поскольку к этому времени общественное самосознание из глубокой спячки перешло к полусонному пробуждению, расправа над "политиками" путем уничтожения их стала затруднительной для правительства. В этой обстановке и проявились в полной мере

возможности, скрытые в тюремных психиатрических больницах. (Они в целях конспирации были переименованы в специальные психиатрические больницы, однако тюремный режим в них усугубился лагерными деталями: к "обслуживанию" больных были привлечены в качестве санитаров осужденные уголовники, как правило, хулиганы и мелкие воры.)

Признание невменяемым привлеченного за политическое преступление 1) освобождало органы от необходимости тщательного сбора компрометирующего материала для обвинения (известно, что КГБ может и без фактов создать дело – см. процесс В. Буковского, но на это требуются затраты труда немалые и денег на "разработку" уходит много); 2) гарантировало изоляцию более строгую, чем помещение в лагерь, и на срок, регулируемый "органами"; 3) позволяло в будущем мановением указательного пальца (звонок в псих. диспансер) в любое время изолировать неугодную личность в психиатрическую больницу.

Капкан был настроен, и все дело сводилось к тому, чтобы психиатры щедро раздавали "невменяемость". А они готовы были это делать даже из самых гуманных соображений (большинство экспертов-психиатров даже не разбиралось в созданной системе психиатрического террора).

Но кроме "гуманистической" тенденции в психиатрии существовал и еще ряд обстоятельств, работавших на "капкан".

Диагностические критерии психиатрии (особенно шизофрении) крайне расплывчаты. Зачастую они зависят от того, каких клинических концепций придерживается та или иная группа психиатров. Поэтому КГБ, никого не упрасывая и никому не приказывая, имеет возможность выбирать тех экспертов, которые довольно широко трактуют понятие шизофрении и ставят ее при малейшей неясности (для них) высказываний подэкспертного. (Чтобы составить представление о туманности критериев психического заболевания, читателю достаточно познакомиться с материалами, собранными в свое время В. Буковским. А чтобы убедиться в "огромных возможностях", имеющихся у психиатров для определения степени общественной опасности психически больных, хорошо бы ознакомиться с докторской диссертацией сотрудника Института им. Сербского .)

Иными словами, для добросовестного признания душевнобольным любого свободомыслящего у психиатров имеется достаточно "научных" оснований, а у КГБ – широкое поле для целенаправленных маневров. (Исключение могут составлять "вневедомственные" помещения в псих. больницы, например, случай с Ж. Медведевым, но он был настолько скандальным, что прибегать к ним КГБ, наверное, в широких масштабах не решается.) Приказа или сговора КГБ с психиатрами не требуется. Вот почему большинство психиатров в СССР не согласно, что они – орудие КГБ.

(Тот факт, что психиатры ежегодно, в ознаменование "красных" дат в СССР или иных событий – приезд сановника, своего или заграничного, – огульно помещают "социально опасных" – антисоветчиков в псих.

больницы "для профилактики", их, психиатров, не смущает, т.к. это распоряжение КГБ преподносится им администрацией как совет и предложение обеспечить "покой на своем участке".)

Так существует психиатрический террор в СССР или нет? Существует. Кем он осуществляется? Государственными органами (КГБ, суды). Психиатры используются в этом терроре как темная масса, не понимающая значения своих действий.

В связи с этим протест мировой общественности против психиатрического террора должен изменить акцент приложения. Бессмысленно обвинять психиатров в намеренном искажении диагноза в угоду КГБ, поскольку этого (возможно, за очень незначительным исключением и легко разоблачаемым исключением) нет.

Но существует антигуманная практика помещения "политических" больных в спец. тюремные психиатрические больницы. (Справедливо-сти ради и к стыду психиатров надо сказать, что они допускают, с легкой руки и по примеру Института им. Сербского, в своих экспертных заключениях рекомендации о помещении "политиков"-невменяемых, но не представляющих общественную опасность – на принудительное лечение. Но где и когда не существовало не по уму усердствующих лакеев государственности!)

И вот эта практика содержания больных, которые кроме крамольных слов ничего антиобщественного не допустили, совместно с больными, способными на убийство, изнасилование и другие подобные действия, – позорное преступление государства, панически боящегося даже "политического" бреда. Невольно приходит на память сцена встречи Б. Годунова с Юродивым. Где бы оказался сейчас этот Юродивый? В тюремной больнице и на неопределенный срок. Вот в чем позор нашей действительности. И в борьбе против психиатрического террора в СССР акцент надо делать на обнародование этого позора. Надо добиваться, чтобы была исключена практика помещения любых "инакомыслящих" в тюремные больницы. В псих. больницах общего типа как ошибки диагностики, так и злонамеренное содержание разоблачить значительно легче. Легче пресечь и произвол некоторых, лишенных чувства гражданской ответственности врачей-психиатров. Такое направление борьбы избавит нас от досадных накладок, заключающихся в том, что бредовые больные будут трактоваться нами как психически здоровые жертвы произвола (а такие ошибки при существующем направлении критики допускаются и охотно используются в защитной демагогии государства). Такое изменение акцента борьбы будет более понятно всей психиатрической общественности в СССР и послужит быстрейшему перевоспитанию массы врачей-психиатров и демократизации их взглядов.

О ПОЛОЖЕНИИ ИНВАЛИДОВ

(Документ Хельсинкской группы № 38)

Настоящим обращением Группа содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР обращает внимание советского правительства и международной общественности на необходимость создания в СССР свободной и независимой ассоциации инвалидов труда, детства, случая и общего заболевания, имеющих тяжелые поражения двигательных функций, может быть, такого же типа, как существующие в СССР Всесоюзное общество слепых и Всесоюзное общество глухонемых.

Неоднократные попытки группы активистов (из среды этих инвалидов) получить разрешение на создание своей общественной ассоциации натолкнулись на категорическое запрещение директивных органов. Считается, что вся забота об этих инвалидах должна осуществляться Министерством социального обеспечения.

Фактически же эти инвалиды находятся в бедственном и унижительном положении людей беспомощных, постоянно нуждающихся в помощи, без надежды получить эту помощь по самым существенным вопросам. Их жизнь — замкнутый круг разобщенной, одиночной, постоянной борьбы за существование далеко за пределами уровня бедности.

Чиновники Министерства социального обеспечения или не понимают и не хотят понять всей сложности проблемы возвращения инвалидов к полноценной жизни, или не могут решить эту проблему и сами становятся непреодолимым барьером к ее решению.

Поэтому инвалиды перечисленных выше категорий в СССР фактически лишены права на достойную работу, образование, отдых, хорошее питание, лечение (слишком дороги для инвалидов-пенсионеров лекарства), нормальную личную жизнь, физическую подготовку и спорт (в частности, участие в международных инвалидных Олимпийских играх).

Самые тяжелые категории инвалидов — с поражением двигательных функций — вообще фактически лишены права на само-

стоятельное передвижение, в отличие от положения в других развитых в техническом отношении стран, где выпускаются целые серии "механических помощников" и приспособлений, позволяющих инвалиду с известной долей самостоятельности передвигаться и дома, и на улице, различные варианты управления инвалидным мото- и автотранспортом.

У нас протезирование, ортопедия, разработка механических приспособлений находятся на чрезвычайно низком уровне по сравнению с мировыми стандартами.

Особенно значительна проблема транспорта. Мотоколяски убоги и ненадежны. Не разрабатываются новые модели с учетом особенностей разных форм инвалидности. Цены на автомашины для инвалидов спекулятивно завышены и, как правило, недоступны (льготная стоимость отменена). Эксплуатация и ремонт мотоколясок и автомашин труднодоступны и дороги. Запасные части часто в дефиците. Бензин слишком дорог для людей, пенсии которых ничтожно малы. Общественный транспорт по своей конструкции недоступен для пользования большинству инвалидов.

При новом строительстве жилищ не учитываются нужды инвалидов с поражением двигательных функций, не переоборудуются существующие жилища и не строятся специально приспособленные для таких инвалидов квартиры и дома (напр., инвалид в коляске не может въехать в туалет, в ванную комнату, не может подняться по ступеням лифта и т.д.).

Все было бы иначе при существовании свободной общественной ассоциации инвалидов с поражениями двигательных функций, входящей в международную инвалидную организацию. Всесоюзное общество слепых и Всесоюзное общество глухонемых с налаженной системой образования, со своими разветвленными специальными производственными предприятиями — не только дают заработок инвалидам, но и способствуют их активному участию в жизни, помогают сохранить чувство собственного достоинства. В то же время, как известно, ВОС и ВОГ делают труд слепых и глухонемых экономически полезным и выгодным для государства.

Создание ассоциации инвалидов с поражением двигательных функций, ассоциации, которая позволила бы инвалидам объединить усилия одиноких, беспомощных людей, помогла бы воз-

вратить к жизни сотни и сотни тысяч инвалидов, влачащих горькое существование, — это проблема огромного морально-нравственного значения.

Связи такой ассоциации с международными организациями инвалидов дали бы возможность в рамках культурного и технического обмена (устройство выставок протезов, технических приспособлений и спортивного оборудования для инвалидов, участие в разработке международных пактов об обязательных нормах мероприятий по реабилитации и возвращению инвалидов к активной жизни и т.д.) приблизить жизнь наших инвалидов к уровню жизни полноценных людей.

Отказ в разрешении на создание такой ассоциации противоречит Декларации прав человека и Конституции СССР.

Одновременно мы призываем инвалидов не мириться со своим унижающим человеческое достоинство положением, не дожидаясь помощи со стороны, организовывать свои инициативные инвалидные группы взаимопомощи, которые в будущем станут костяком свободной общественной инвалидной ассоциации.

9 марта 1978 г.

Члены Группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений:

Елена Боннэр, Софья Каллистратова, Наум Мейман, Виктор Некипелов, Татьяна Осипова, Владимир Слепак

ДОКУМЕНТЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПРАКТИКИ

НАРУШЕНИЕ ПРАВА НА ВЫХОД ИЗ КОЛХОЗА*

СП СССР, 1969, № 26, ст. 150.

ПРИМЕРНЫЙ УСТАВ КОЛХОЗА

(извлечение)

Ст. 7. Заявление колхозника о выходе из колхоза должно быть рассмотрено правлением и общим собранием членов колхоза не позднее чем в трехмесячный срок со дня подачи заявления.

Расчет с бывшим колхозником производится по окончании хозяйственного года, но не позднее чем через месяц после утверждения годового отчета колхоза.

Ст. 47. Общее собрание собирается правлением не менее 4 раз в год..

* * *

ПРОКУРАТУРА СССР

Прокуратура

Таловского района

Воронежской области

397450, Таловая,

ул. Советская 103

2.02.78 г. № 133

пос. Ильинка

Казанского сельсовета

Матвееву Самуилу Мордофеевичу

и другим

На Вашу жалобу по вопросу выхода из колхоза "Россия" сообщая следующее.

Ваша жалоба тщательно проверена.

21 декабря состоялось собрание уполномоченных колхоза "Россия", на котором решался вопрос о выходе Вас и других членов колхоза, проживающих в пос. Ильинка, из колхоза. Из 119 человек уполномоченных на собрании присутствовало 103 человека.

Собрание уполномоченных решило не отпускать Вас и других членов колхоза "Россия", за это решение голосовало 86 человек, против – 17. При проверке было установлено, что нарушений колхозной демократии при решении этого вопроса не было: голосование происходило свободно, без всякого нажима и давления, подсчет голосов велся правильно.

Оснований для опротестования решения собрания уполномоченных не нахожу.

Прокурор района
юрист 1 класса –

И.П. Захаров (подпись)

* Эти документы являются приложением к документу № 49 Московской группы "Хельсинки" "О нарушении права колхозников на эмиграцию и на выход из колхоза" – *Ред.*

* * *

ПРОКУРАТУРА СССР
Прокуратура
Воронежской области
394695, Воронеж
ул. Орджоникидзе 41
06.03.78 № 5-19-27

Копия

Воронежская обл., Таловский р-н
с. Ильинка
гр. Матвееву Я.И., Матвеевой Д.
и другим

Ваша жалоба на отказ общего собрания уполномоченных в выходе из колхоза прокуратурой проверена.

В соответствии с решением собрания уполномоченных колхоза "Россия" от 21.12.77 в выходе из колхоза вам отказано. Порядок ведения собрания и подсчет голосов при вынесении решения не был нарушен.

Решение собрания уполномоченных вы можете обжаловать в исполком районного совета народных депутатов.

Прокурор отдела общего надзора
юрист 2 класса –

А.А. Романов (подпись)

* * *

ПРОКУРАТУРА СССР
Прокуратура
Воронежской области
394695, Воронеж
ул. Орджоникидзе 41
20.03.78 № 5-27

Копия

Воронежская обл., Таловский р-н
с. Ильинка
гр. Матвееву Я.И.,
Пискаревой Ф.И. и другим

Сообщаем, что по Вашей жалобе, поступившей из прокуратуры РСФСР, на отказ собрания в выходе из колхоза прокуратурой уже проводилась проверка.

Повторно сообщаем, что оснований для вмешательства органов прокуратуры не усматривается.

Прокурор отдела общего надзора
юрист 2 класса –

А.А. Романов (подпись)

**ВЕРХОВНЫЙ СУД РСФСР
СУДЕБНУЮ КОЛЛЕГИЮ
ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ**

Джон Макдоналд, К. С.

*12 New Square
Lincoln's Inn
London W. C. 2
U.K.*

*(Действующий на основании доверенности от
Ирины Валитовой – жены осужденного Орлова)*

по делу

Орлова Юрия Федоровича

КАССАЦИОННАЯ ЖАЛОБА

Приговором Судебной коллегии Московского городского суда от 18 мая с.г. Орлов признан виновным по ст. 70 ч. 1 УК РСФСР.

Суд избрал в отношении Орлова наказание в виде 7 лет лишения свободы в ИТК строгого режима.

В виде дополнительной меры наказания суд приговорил Орлова к 5 г. ссылки после отбытия им основного наказания по приговору.

Суд признал Орлова виновным в том, что в период 1973-1977 гг. он систематически распространял клеветнические измышления, порочащие советский государственный и общественный строй, с целью ослабления советской власти.

Считаю, что Орлов с точки зрения советского закона осужден неправильно.

В распоряжении суда не было доказательств, что у Орлова был умысел на подрыв или ослабление советской власти, когда он публиковал документы, предъявленные ему в обвинении.

Ни в одном из документов не содержится призывов к свержению советской власти. Весь смысл этих документов сводится к соблюдению тех демократических гарантий, которые признаются внутренним советским законодательством и подписанными Советским Союзом международными декларациями и соглашениями.

Установление прямого умысла на подрыв или ослабление советской власти является безусловным требованием ст. 70 УК РСФСР.

Даже если бы были отдельные неточности и ошибки в тех документах, которые были подписаны Орловым, то и это не давало бы оснований для его осуждения не только по ст. 70 УК (ввиду отсутствия прямого умысла на подрыв или ослабление советской власти), но и по ст. 190 УК РСФСР.

Все документы, которые вменяются Орлову в вину, тщательно проверялись и подготавливались людьми, проживающими в Советском Союзе. Орлов искренне верил в то, что информация, содержащаяся в этих документах, является правильной.

Осуждение по ст. 190 УК возможно только в тех случаях, когда лицо, обвиняемое в совершении этого преступления, бесспорно знало, что распространяемая им информация является ложной, и умышленно использовало ее в клеветнических целях.

Наличие прямого умысла на сообщение клеветнических сведений, явно для сообщающего их ложных, является обязательной частью состава ст. 190 УК РСФСР.

Отсутствие прямого умысла на сообщение именно ложных сведений исключает возможность осуждения по этой статье.

В Обращении к правительствам и парламентам стран, подписавших Заключительный Акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, Орлов сам формулирует цель, которая стояла перед ним в его деятельности как члена и руководителя Группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений.

Этой целью является "сбор, исследование и передача соответствующим правительствам информации о нарушении гуманитарных статей Заключительного Акта".

Умысел Орлова был направлен на то, чтобы "содействовать выполнению моральных обязательств, принятых по этим статьям советским правительством".

Такой умысел не может быть признан преступным. Уже одни эти соображения дают мне основание и право просить Верховный суд РСФСР об отмене приговора в отношении Орлова Юрия Федоровича и о прекращении дела в отношении Орлова производством.

Помимо этого, приговор в отношении Орлова должен быть отменен на основании требований ст. 342 УПК:

1. Имеются существенные нарушения Уголовно-процессуального кодекса

Именно:

а) Суд препятствовал Орлову допрашивать свидетелей, вызванных по обвинительному заключению в судебное заседание.

В силу этого их показания должны быть отвергнуты.

б) Судья прерывал Орлова во время его заключительной речи.

в) Судья допустил издевательства над Орловым со стороны людей, присутствующих в зале суда.

г) Суд запретил Орлову зачитывать документы Группы содействия по выполнению Хельсинкской декларации.

д) Дальнейшие нарушения будут указаны в моей дополнительной жалобе.

2. Предварительное следствие и суд были необъективными и неполными
Именно:

а) Судья отказал во всех ходатайствах Орлова о вызове дополнительных свидетелей.

б) Е. Боннэр, Владимир Слепак и Мальва Ланда, которые вместе с Орловым подписали документы, на которых основывается обвинение, несмотря на их желание, не были вызваны для дачи показаний. Они находились около здания суда, хотя их показания имели прямое отношение к материалам дела.

в) В документах Группы, приобщенных к делу, говорится, что заключенные, как правило, подвергаются мучению голодом, холодом и недосыпанием. Это утверждение соответствует действительности, если принять во внимание показания Андрея Амальрика и Владимира Буковского, посланные мною прокурору в июне 1977 г. Эти показания не были приобщены к делу, и Амальрик и Буковский не были вызваны в суд для дачи показаний.

г) Суд неправильно отказал Орлову в ходатайстве о вызове жен и матерей заключенных, содержащихся во Владимирской тюрьме.

д) Документы Группы, приобщенные к делу, свидетельствуют о психиатрических репрессиях против узников совести в Советском Союзе, как о преступлениях против человечности.

Это соответствует действительности, если принять во внимание:

1) Показания Леонида Плюща и Натальи Горбаневской, которые были помещены в психиатрические больницы совместно с буйными больными, хотя они были здоровыми людьми. Они подвергались воздействию сильнодействующих медицинских препаратов, без обязательных корректоров или с неправильными корректорами.

2) Заключение доктора Джерри Лоу-Бира, который освидетельствовал Л. Плюща на следующий день после того, как Плющ был выписан из психиатрической больницы. Доктор Лоу-Бир подтвердил, что Плющ был здоров.

3) Показания доктора Марины Войханской о том, что в период ее работы в Ленинградской психиатрической больнице там содержались и подвергались принудительному лечению сильнодействующими препаратами здоровые люди.

Эти показания были посланы мною в Прокуратуру в июне 1977 г. Они не были приобщены к делу на рассмотрение суда, и ни один из этих свидетелей не был вызван для дачи показаний, несмотря на то что все они изъявили свою готовность свидетельствовать в суде.

е) Показания дополнительных свидетелей, касающиеся документов, подписанных профессором Орловым: о религиозных преследованиях, о борьбе за право эмигрировать, о нарушении контактов в сфере почтовой и телефонной связи, о разъединенных семьях, об ущемлении прав

национальных меньшинств и о жителях деревни Ильинка. Все эти документы я прилагаю. Все эти документы были мною уже посланы в июне 1977 г., однако они не были приобщены к материалам дела.

Никто из лиц, подписавших эти показания, не был вызван для дачи показаний, хотя все они изъявляли свою готовность свидетельствовать в суде.

ж) Несмотря на то, что суд обязан был назначить ревизионную комиссию для проверки целого ряда фактов, изложенных в документах, подписанных Орловым, это сделано не было.

з) Дальнейшие доводы, свидетельствующие об односторонности и неполноте предварительного и судебного следствия, будут содержаться в моей дополнительной жалобе, которую я вышлю как в адрес Московского городского суда, так и в Верховный суд РСФСР.

Подпись
23/5/78

ЮРИДИЧЕСКИЙ КОММЕНТАРИЙ

Джордж Гинзбург

ДЕЛО ЛЕЙТЕНАНТА ЗОСИМОВА

25 сентября 1976 г. лейтенант Валентин Зосимов посадил советский одномоторный почтовый самолет у г. Ахар на северо-востоке Ирана и попросил у иранских властей политического убежища. 23 октября правительство Ирана заявило, что "после тщательного изучения обстоятельств дела совместно с органами юстиции" оно пришло к заключению, что удовлетворение просьбы о политическом убежище будет противоречить положениям советско-иранского соглашения от 7 августа 1973 г. о сотрудничестве в предотвращении угона гражданских воздушных судов. В связи с этим было принято решение вернуть лейтенанта Зосимова Советскому Союзу. 28 октября пресс-релиз ТАСС подтвердил, что 25 октября летчик был выдан Советскому Союзу в соответствии с условиями соглашения 1973 г. о борьбе с воздушным пиратством, и обвинил его в "совершении уголовного преступления, выразившегося в захвате принадлежащего "Аэрофлоту" самолета АН-2 и угона его в Иран". В заявлении отмечалось, что самолет также будет возвращен в ближайшее время.

Инцидент почти не привлек внимания иностранных органов массовой информации, хотя Верховный Комиссар ООН по делам беженцев выразил официальный протест против действий иранского правительства, а московская Группа содействия соблюдению Советским Союзом Хельсинкских соглашений тщетно призывала шаха не выдавать пилота. И тем не менее случай этот заслуживает внимания, поскольку опубликованные сообщения об этом эпизоде содержат грубейшие неточности как в фактическом, так и в юридическом отношении, создавая о нем совершенно превратное представление и скрывая от большинства читателей то обстоятельство, что в данном случае имело место вопиющее нарушение прав человека.

Прежде всего, ссылка на соглашение 1973 г. о борьбе с воздушным пиратством здесь совершенно неуместна. Русский текст этого документа опубликован в т. 30 официальной серии "Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами", М., 1976 г., стр. 293-295, издаваемой Министерством иностранных дел СССР. Анализ его содержания весьма поучителен. Например, уже в преамбуле договаривающиеся стороны сообщают, что данное соглашение мотивируется их стремлением предотвратить акты угона гражданских воздушных судов, "совершенных путем незаконного захвата или осуществления контроля или с использованием иных незаконных путей и средств, подвергающих опасности жизнь людей и иму-

шество, препятствующих нормальному осуществлению внутренних и международных полетов гражданских воздушных судов и приводящих к ситуациям экстраординарного характера". С этой целью договаривающиеся государства обязуются официально извещать друг друга в случае, если угнанное гражданское воздушное судно, принадлежащее одному из них, приземлилось на территории другого, предоставлять дипломатическому и консульскому персоналу государств регистрации угнанного гражданского воздушного судна и представителям заинтересованной авиакомпании возможность прибыть к месту посадки угнанного самолета для установления контактов с экипажем и пассажирами и оказывать необходимую помощь и содействие членам экипажа и пассажирам в продолжении их полета в пункт назначения или в возвращении их в пункт начала полета. Раненым или больным лицам будет оказана необходимая медицинская помощь, включая, когда это потребует, госпитализацию; груз воздушного судна и багаж пассажиров и членов экипажа будут возвращены их законным владельцам.

Государство, на территории которого приземлилось угнанное воздушное судно, обязуется принять по просьбе другого договаривающегося государства немедленные меры к тому, чтобы лица, совершившие угон воздушного судна, были возвращены государству регистрации вместе со всеми принадлежащими им документами, оружием, личными вещами и багажом. Государству регистрации будет сообщена вся полученная информация относительно угона воздушного судна и поведения совершивших его лиц во время полета и после посадки для полного выяснения причин и обстоятельств угона воздушного судна. Эти меры осуществляются независимо от того, какими целями и мотивами руководствовались лица, совершившие угон воздушного судна.

Государство, на территории которого приземлилось угнанное воздушное судно, обязуется обеспечить сохранность самолета, а также вещественных доказательств и документов, касающихся инцидента. Государству регистрации будет предоставлена возможность направить, в случае необходимости, другой экипаж, а также специалистов и запасные части для приведения воздушного судна в состояние, позволяющее ему совершить полет до ближайшего аэропорта государства регистрации или в любой другой пункт, и государство приземления самолета также окажет необходимое содействие в осуществлении его ремонта. Государству регистрации будет разрешено направить другое гражданское воздушное судно для перевозки пассажиров и членов экипажа, если угнанное воздушное судно не может быть использовано для этой цели. Государство, на территории которого приземлилось воздушное судно, позволит ему совершить перелет в государство регистрации или в любой другой пункт, как только воздушное судно будет в состоянии сделать это, или разрешит государству регистрации вывезти самолет в собранном или разобранном виде другими способами (водный путь, железная дорога или гражданский транспортный самолет). Государство регистрации обязуется возместить другому договаривающемуся государству все расходы,

понесенные в связи с осуществлением настоящего соглашения, в порядке, установленном по согласованию между сторонами. Далее сообщается, что ни одно из положений настоящего соглашения не будет наносить ущерб правам договаривающихся сторон в отношении полного осуществления их суверенитета и юрисдикции согласно их внутренним законам и правилам.

Таким образом, формулировки соглашения не оставляют сомнения в том, что при его составлении договаривающиеся стороны имели в виду совершенно конкретную ситуацию, а именно: они согласились на сотрудничество в вышеуказанных пределах в случае насильственного захвата и отклонения от курса гражданского воздушного судна, управляемого стандартным экипажем и имеющего на борту обычных пассажиров. Исходя из примененных средств (насилия) и их последствий (опасности для невинных посторонних лиц), договаривающиеся стороны решили не принимать во внимание мотивов преступников при привлечении их к ответственности, поскольку опасность, которой подвергается группа случайных лиц, представляется чрезмерной и не оправдывает использования таких методов, какие бы намерения ни приводились в обоснование угона воздушного судна. Считалось, что нежелание делать обычную скидку на политические мотивы в случаях такого рода и отказ от предоставления иммунитета от судебного преследования, который по традиции дается при наличии таких мотивов, оправданы на том основании, что тактика неразборчивого террора, на которую рассчитывали в прошлом воздушные пираты, представляет собой огромную опасность для общества и не может быть списана на чье-либо политическое недовольство. Однако в данном конкретном случае отсутствовали какие-либо эксцессы, обычно связываемые с явлением воздушного пиратства: не было ни намека на угрозу применения силы, ни опасности для жизни или имущества людей, – и посему действия Зосимова не обладали объективными признаками, квалифицирующими их как угон гражданского воздушного судна в том смысле, в каком такой угон понимается в упомянутом соглашении, и оправдывающими выдачу пилота. И в самом деле, как говорилось в обращении, направленном шаху Московским отделением международных хельсинкских групп: "Он [Зосимов] не применял насилия, не ставил под угрозу ничьей жизни, кроме своей собственной, и, по нашему мнению, его действия совершенно невозможны квалифицировать как воздушное пиратство".

В качестве примечания технического характера можно еще заметить, что если советское законодательство классифицирует как гражданские все воздушные суда, кроме чисто военных, то законодательства других стран предпочитают более ограниченное толкование. Тогда встает вопрос о том, можно ли считать государственный почтовый самолет в истинном смысле гражданским воздушным судном и рассматривать его захват как воздушное пиратство в свете недвусмысленных формулировок упомянутого соглашения. Хотя это фактор вторичного порядка, данное обстоятельство тоже следует принять во внимание, ибо оно подкрепляет точку

зрения о том, что во всем этом деле буква соглашения толковалась весьма произвольно. и что важные соображения юридического порядка были с большой небрежностью отброшены для достижения сиюминутных политических целей.

Если двустороннее соглашение между СССР и Ираном не оправдывает решения последнего вернуть лейтенанта Зосимова Советскому Союзу, то санкционируются ли такие действия положениями общих конвенций по данному вопросу? И снова ответ следует дать безусловно отрицательный. 16 декабря 1970 г. Советский Союз вместе с рядом других государств подписал Гаагскую Конвенцию о борьбе с незаконным захватом воздушных судов, ратифицированную должным образом 4 августа 1971 г. В преамбуле этого договора также отмечается признание договаривающимися сторонами того, что "акты незаконного захвата или осуществления контроля над воздушным судном, находящимся в полете, угрожают безопасности лиц и имущества, серьезно нарушают воздушное сообщение и подрывают веру народов мира в безопасность гражданской авиации". В связи с этим было определено, что преступный угон самолета совершается "любим лицом на борту воздушного судна, находящегося в полете, которое: а) незаконно, путем насилия или угрозы применения насилия, или путем любой другой формы запугивания захватывает это воздушное судно, или осуществляет над ним контроль, либо пытается совершить любое такое действие, или б) является соучастником лица, которое совершает или пытается совершить любое такое действие". Короче говоря, конвенция была заключена из-за стремления участников оградить людей и имущество, находящихся на борту самолета, от действий, сопряженных с насилием или угрозой насилия, либо с любой формой запугивания, направленных на захват самолета или контроль над ним и представляющих угрозу для этих людей или имущества. Даже при самой большой натяжке поведение лейтенанта Зосимова не отвечает такому определению и посему не может считаться в соответствии с Гаагской конвенцией преступлением, требующим его выдачи: в данном случае отсутствует критически важный элемент опасности для других лиц, вызванной насилием или принуждением в целях вмешательства в управление воздушным судном в полете, и поэтому данное дело не подпадает под официальные положения конвенции.

Разумеется, даже при отсутствии какого-либо договора за каждым государством остается суверенное право передавать, когда ему заблагорассудится, то или иное лицо из своей юрисдикции другому государству. Однако и практика, и договорное право с давних пор делают исключение в пользу беженцев, не выдаваемых обычно стране, которую они вынуждены были покинуть, чтобы избежать преследования. Под этот привилегированный статус полностью подпадают и политические беженцы. Если двусторонний договор и установившаяся практика не санкционируют решения Ирана выдать лейтенанта Зосимова Советскому Союзу, то встает следующий вопрос: была ли эта выдача законной в свете дискреционной власти изгонять нежелательных иностранцев, имеющейся

у каждого государства, или ее следует считать неправомерной, ввиду общепризнанной обязанности государств предоставлять защиту лицам, имеющим право претендовать на статус политических беженцев? Проблему эту можно рассматривать с разных сторон. Например, постольку, поскольку перелет лейтенанта Зосимова в Иран свидетельствовал о его желании переселиться за границу в открытое нарушение строгих советских эмиграционных правил и демонстрировал, что он предпочитает жить при другом общественном строе, этот поступок представлял собой акт политического протеста. В сочетании с его просьбой о политическом убежище поведение Зосимова свидетельствовало о наличии у него достаточно развитого политического сознания, чтобы предоставить ему особый статус беженца, обеспечивающий ему иммунитет от насильственного возвращения под советскую юрисдикцию.

Для установления юридической подоплеки этого явления также следует учитывать специфику советского подхода к понятию воздушного пиратства. В своем своеобразном духе советское законодательство предоставляет в данном вопросе широкую свободу выбора. Так, имеется статья 64-я Уголовного кодекса РСФСР (и соответствующие статьи в кодексах других союзных республик), касающаяся измены родине, к каковой измене, в числе прочего, относится и бегство за границу. В принципе, чтобы квалифицироваться как измена, такое деяние должно быть умышленно совершено гражданином СССР "в ущерб государственной независимости, территориальной неприкосновенности или военной мощи СССР". Если толковать эту статью буквально, то элемент мотива играет центральную роль в установлении того, представляет ли бегство советского гражданина за границу государственную измену или менее тяжкое преступление. Измена родине наказывается лишением свободы на срок от десяти до пятнадцати лет с конфискацией имущества и ссылкой на срок от двух до пяти лет или без ссылки или смертной казнью с конфискацией имущества. Но может применяться и статья 83-я УК РСФСР (или сходные статьи в кодексах других республик), в соответствии с которой выезд за границу или переход границы без установленного паспорта или разрешения надлежащих властей наказывается лишением свободы на срок от одного года до трех лет.

И, наконец, существует специальный указ от 3 января 1973 г. (внесенный, как и полагается, в республиканские уголовные кодексы), предусматривающий уголовную ответственность конкретно за угон воздушного судна. Часть первая этого указа определяет в качестве наказания за угон воздушного судна, находящегося на земле или в полете, лишение свободы на срок от трех до десяти лет. Следует заметить, что, хотя этот пункт вполне соответствует обстоятельствам дела Зосимова, содержащаяся в нем новая формулировка представляет собой одностороннюю попытку значительно расширить общепринятое толкование воздушного пиратства. И в самом деле, стандартное условие, согласно которому термин "угон воздушного судна" имеет ограниченное значение и определяет инциденты, чреватые реальной или потенциальной опасностью

для невинных посторонних лиц, оказывается теперь отброшенным, и простое отклонение самолета от курса лицом, которому этот самолет не был официально доверен, внезапно делается, в этом новом толковании, полноценным актом угона воздушного судна.

Исходя из объективных обстоятельств, лейтенанта Зосимова можно было бы привлечь к ответственности по любому из трех вышеозначенных обвинений, и если бы его судили за нарушение указа 1973 г., вопрос о его политических намерениях в деле не фигурировал бы. Статья 83-я, однако, помещена в разделе, касающемся "Других государственных преступлений", что должно теоретически подразумевать политические обстоятельства, однако предусматриваемое ей наказание слишком невинительно, чтобы за воздушное пиратство в какой-либо форме судили с подобной снисходительностью. Государственная измена — это, разумеется, квинтэссенция политического преступления, но, как уже отмечалось, привлекать к ответственности за нее в принципе возможно лишь в том случае, когда удастся доказать, что обвиняемый в своем поведении руководствовался определенными мотивами, а пока наличие оных не установлено со всей очевидностью, вменить ему в вину измену нельзя.

Главный недостаток всех этих рассуждений заключается в том, что механизм закона действует совсем не так, как номинально предусмотрено. И практика, и существующая доктрина свидетельствуют о том, что на место неопровержимых доказательств ставится презумпция виновности, так что преступные намерения выводятся из косвенных обстоятельств дела или просто додумываются пост-фактум. Например, на знаменитом Ленинградском процессе подсудимых признали виновными в измене родине на том лишь основании, что они планировали захватить самолет и улететь в Швецию, хотя обвинение не потребовало представить каких-либо доказательств наличия у них сознательного намерения нанести ущерб государственной независимости, территориальной неприкосновенности или военной мощи СССР. Рассматривая кассационную жалобу по этому делу, Верховный Суд отметил, что некоторые из подсудимых намеревались по прибытии в Швецию просить о "политической амнистии"; Верховный Суд этим как бы давал понять, что такие планы указывают на наличие у подсудимых сильных антисоветских настроений, равносильных твердому намерению использовать эту возможность, чтобы изменить Советскому Союзу (см. Правовой меморандум IV, Приложение В, в Т. Гэйлор и др., *Советское правосудие и эмиграция евреев, Нью-Йорк, 1977*). Авторитетный комментарий к Уголовному кодексу БССР точно так же сообщает, что, если советский гражданин угоняет самолет с целью бегства за границу с антисоветскими намерениями, его следует привлекать к ответственности за измену родине (Л.К. Зайцев, ред., *Комментарии к Уголовному кодексу Белорусской ССР*, 4-е изд., Минск, 1976, стр. 338). Однако, как ни печально, "антисоветские" намерения представляют собой весьма расплывчатое понятие, и советские суды в прошлом без труда под самыми несостоятельными предлогами

объявляли настроения "антисоветскими". Поскольку сообщается, что лейтенант Зосимов в конце концов попросил политического убежища, обвинение легко истолкует задним числом этот жест как неопровержимое доказательство злобных антисоветских настроений, автоматически подразумевающих мотив измены родине.

Самый правдоподобный вывод, который можно извлечь из известных нам обстоятельств, заключается в том, что даже безобидный "угол" типа того, который совершил Зосимов (не лучше ли сказать, что он просто "прокатился"?), будет по советским законам объявлен государственным преступлением. Отсюда следует, что, когда, беглец в случае своего возвращения на родину может рассчитывать на "правосудие", больше смахивающее на политическую месть, он обладает полным правом на политическое убежище в государстве, в которое он бежал, и, таким образом, на гарантию от выдачи в страну, которую ему удалось с огромным риском покинуть в отчаянной попытке воспользоваться элементарным правом каждого человека выбрать себе место жительства. Поэтому нет ничего удивительного в том, что Верховный Комиссар ООН по делам беженцев счел нужным протестовать против решения Ирана выдать Зосимова Советскому Союзу и выразить свое глубокое сожаление по поводу того, что шахиншахское правительство проявило в данном случае нежелание соблюдать подписанную Ираном Конвенцию 1951 года о статусе беженцев.

Джордж Гинзбургс
Факультет права
Университет Ратгерс

* * *

Валентин Иванович Зосимов был приговорен по ст. 64 УК РСФСР ("Измена родине") к 12 годам заключения в лагере строгого режима. Он отбывает наказание в лагере 37 в Перми. Его жена и двое детей живут в Баку.

ИЗ ПРОШЛОГО

Н. ХРУЩЕВ О ПРАВАХ ЧЕЛОВЕКА (Публикация В. Чалидзе)

Под этим условным заголовком "Хроникой защиты" опубликованы в этом и предыдущих выпусках отдельные фрагменты из мемуаров бывшего главы советского правительства Никиты С. Хрущева.

Об этих публикациях см. мои пояснительные записки в вып. 28 "Хроники защиты" — В.Ч.

Власть и творческая интеллигенция

... Если взять отношение Сталина к художникам, это было хорошее отношение. Ко всем видам труда интеллигенции у него было хорошее отношение. Иначе и быть не могло, он был государственный человек, занимал высокое положение, и человек он был высокого и большого ума. Но вопрос не в том, как он относился к интеллигенции, а вопрос в объективности, в понимании, в терпимости к тому, что ему лично не нравилось. А без этого художник жить не может.

А если одно лицо или группа лиц начнет определять, что хорошо и что дурно, это уже плохо для интеллигенции, уже плохо, если направлено против какого-то жанра искусства. Ведь много субъективного в восприятии звука, музыкальной мелодии и другого. А судить и осуждать — это субъективное отношение. И здесь, конечно, больше всего страдали от этого художники, писатели, они встречались, когда их сковывали, не давали возможности развернуться, но могут сказать, что были такие писатели, которые не чувствовали этого, если можно выразиться, гнету. А ограничения — это и есть гнет в творческом труде, мне трудно говорить за писателей, это сами писатели скажут, да и потом разный характер у писателей.

Но Сталин, а это не только Сталин, а все деспоты. Все деспоты относились к литературе, к литераторам хорошо, но только при том случае, когда эти писатели хорошо писали об этом деспоте и о его периоде. Вот Николай I, который вошел в историю, как Николай Палкин, который продолжал терзать людей после Александра I ... и терзал Пушкина. А разве Пушкин был плохой писатель? Разве он плохо писал? Он писал хорошо и прекрасно изливал и свою душу, и народа. И сейчас его высоко ценят в народе и будут ценить. Он бессмертные слова о себе сказал: "Я памятник создал себе нерукотворный, к нему не зарастет народная тропа", однако он был в ссылке большую часть своей жизни. А ведь он мог в это время творить. А он был в ссылке или на юге, в Молдавии, Кишиневе, Одессе, или же в своем имении под Псковом. А Николай был за Пушкина, он хотел бы, чтобы Пушкин творил, но хотел, чтоб Пушкин в своем творчестве воспевал время Николая I и прославлял бы его и укреплял как монарха.

Ворошилов без ума был от художника Герасимова, я не берусь судить творчество Герасимова, я думаю, что художник Герасимов, любимец Ворошилова, был хороший художник. Но он еще нравился Ворошилову тем, что воспевал в живописи Ворошилова, а кто в музыке Ворошилову очень нравился – кто воспевал его в музыке? Пакрас. А композитор Пакрас – я очень уважал его и уважаю сейчас. Он много хороших вещей написал, но как Пакрас написал музыку о конной армии, о Буденнове и Ворошилове, я думаю, что никто больше так не писал. Его песни и они, конечно, служили подъемом. Но тут, так сказать, выпячивал и персон, заслуженно, но все-таки не в такой мере, как это было показано. И, конечно, эти люди ценили ... [тех], о которых эти интеллигенты писали и прославляли. Этим людям уже присвоено определение, что это придворные поэты, придворные музыканты и придворные художники ... Таких людей и тружеников таких, конечно, всегда старались приближать к себе и поощрять.

Я уж не говорю о материальном поощрении. Здесь, как говорится, казна открыта, здесь отношение одно.

* * *

Вот Фадеев, талантливый человек, его произведение о партизанской войне в Сибири, не помню, как называлось, но там славный герой Левинсон, по-моему, по-моему, его книжка "Молодая Гвардия" – это бессмертное произведение, я сейчас забыл название, но тогда на меня эта книжка произвела огромное впечатление, там главную роль играет командир партизанского отряда Левинсон. Это потрясающее произведение, такое у меня во всяком случае было впечатление, и он занимал ведущее [положение]. ... Жизнь Фадеева объясняется тем, что он человек умный и тонкой души и психологии, и когда Сталин был разоблачен, и когда показано было, что это не преступники, не враги народа, которые были казнены, а за ними тысячи, сотни тысяч погибли и в том числе

интеллигенция, творческая интеллигенция, писательская. Он не мог пережить этого, потому что он прославлял через Союз писателей и превратился в агента Сталина и свидетельствовал, что эти люди действительно совершили преступление. Я думаю, что он был убежден в правоте, как и многие, и я в том числе был убежден. Но потом не мог переварить то, сколько он раз воспевал перед творческой интеллигенцией, выполняющая роль прокурора Сталина. Он потом увидел, что круг его замкнулся, и он покончил жизнь самоубийством. Надо принять во внимание, что он совершенно к тому времени спился. Я помню, когда собирал Сталин для заслушивания комитет по Сталинским премиям. Сталин собирает, заслушивает и решает о Сталинской премии. Это ж нужно дойти до жизни такой! А это было так. И докладывал всегда о представлении к награждению премией творческой интеллигенции Фадеев, всегда докладывал. И он, бывало, докладывал, а потом Сталин ему говорил: "Ведь еле-еле держится на ногах, совершенно пьян". Да это всем было видно, что он совершенно пьян. А мы еще знали, что по надобности Сталин ставил на ноги и милицию, и чекистские органы, и отыскивали его по всем значным местам. А эти места были на учете. Вот и отыскивали, где Фадеев. Вот до такого состояния спился Фадеев...

* * *

Ну, если говорить о Пастернаке, Пастернак, я не берусь быть судьей этого человека, но я пользуюсь мнением других поэтов, которые очень высоко ценили Пастернака и собственно за переводы его с иностранных языков. Он написал "Доктора Живаго", очень много шумел этот роман, но это уже было после смерти Сталина, я не знаю, как относился лично Сталин к Пастернаку, я не могу судить и просто не знаю и не хочу поэтому быть лжесвидетелем.

Так вот, написал Пастернак "Доктора Живаго", хотел, чтобы его напечатали, мне докладывали, и я сейчас расскажу, как решался вопрос об этом произведении ...

... в своей, так сказать, резиденции, в своей ссылке на даче, район Петрова Дальнего. Так я жалею о том, что это в мое время, когда я имел возможность влиять печатать или не печатать, принять или не принять точку зрения докладчика. И, видимо, меня могли бы поддержать, а у меня к этому есть основания и доказательства. Я поверил. Но ведь административные меры – самые вредные для творческих людей и непрогрессивные. Шум и гвалт поднялся за границей, особенно, когда это произведение, рукопись, попала за границу, а там напечатана. Ну, сейчас же доброжелатели... я не знаю, насколько это произведение отвечало требованиям Нобелевской Международной премии ... Но премия была присуждена Пастернаку за произведение "Доктор Живаго", тогда шум поднялся, что Советский Союз не разрешает Пастернаку поехать за границу, получить эту премию. А я сказал, давайте мы опубликуем, и Пастернак может поехать за границу для получения этой премии, мы

дадим ему паспорт, и я даже, насколько я помню, мы даже сказали, что ему будут выделены средства для этого, потому что ему нужны какие-то валютные средства. Вдруг Пастернак ответил [в] газете, что он не собирается ехать и не ставит вопрос о своей поездке за границу для этой цели. И я сейчас не могу быть судьей этого произведения, я его не читал, но люди, которые потом со мной встречались, которые читали, ну, не проявили никакого особого восторга, ни в художественном плане, ни ... это особый вопрос — судить автора и судить произведение. Но я сожалею, что это произведение не было напечатано, потому что нельзя административными методами, так сказать, по-полицейски, выносить приговор творческой интеллигенции. Скажут мне сейчас, что это я поздно решил, да, это поздно, но лучше поздно, чем никогда.

... Он трудился, за границей его напечатали, признали, Нобелевскую премию присудили, а здесь административными мерами, т.е. полицейскими мерами, положили его книгу на склад, запретили. Это уж совсем другой привкус и совсем другой дает оттенок.

* * *

... Я встречался не раз с Эренбургом. Это большой писатель был. В нем я замечал большой талант, без которого он не был бы таким большим писателем, которым он был и остался в литературе. Но у него было какое-то примирение со сталинскими методами. Но, может быть, я слишком строг к Эренбургу, потому что условия были такие, которые требовали какого-то примирения. Но у него были проявления настойчивости, отстаивания своего понимания, когда он занимал ту или другую позицию. Я помню, тогда Сталину нужно было, забыл, в связи с чем это было, или выступить в печати с заявлением, что в Советском Союзе нет антисемитизма. И тогда Сталин назвал, что привлечь к составлению этого документа, особенно подписи, потому что для составления такого документа у Сталина было достаточно авторов, чтобы привлечь обязательно к подписи этого документа Эренбурга и Кагановича; Каганович вертелся несколько, когда Сталин с ним разговаривал по этому вопросу, чувствовал, что это ему тяжело делать, но, конечно, все сделал, что ему Сталин сказал, а когда поручили переговорить с Эренбургом, я не помню — кому поручили, то Эренбург категорически отказался подписать этот документ, и я боюсь быть неточным, полагаюсь на память, хотя память у меня пока еще неплохая, хотя и бывает, что я другие события не совсем конкретно представляю, они у меня потускнели в памяти. Но мне кажется, что Эренбург не подписал этого документа. Это говорит о том, что он имел характер, даже противопоставить его воле Сталина. Хотя Сталин с ним лично не разговаривал. Я даже не знаю, встречался тогда Сталин с Эренбургом или нет. Это я не помню. Эренбургу принадлежит фраза, пущенная в его произведении "Оттепель", т.е. после смерти Сталина наступила какая-то оттепель. К такой характеристике этого времени мы все-таки не совсем положительно относились,

потому что тут было ... объяснялось это двумя положениями. С одной стороны, мы действительно допустили послабление, если выразаться грубым политическим языком, и ослабили контроль, и свободней стал народ высказываться и в беседах, и в печати – газетах, журналах и литературе. Но тут было два чувства, это отражало наше внутреннее состояние, и мы этого хотели; с другой стороны, были такие лица, которые не хотели этой оттепели. Они даже упрекали и говорили, вот если б Сталин был жив, этого он бы не позволил и этого бы не позволил.

А это характеризовали положительно, сейчас очень сожалею, что совершенно из памяти выпало, не то это мне прямо адресовалось, не то через третьих лиц в моем присутствии, подогревали меня со стороны, вот, мол, если бы Сталин был жив, он бы этого не позволил. Это как раз относилось тогда к спору с абстракционистами, это сказал крупный художник. Хотя мне потом сказали, что этот художник купил у скульптора Неизвестного какую-то скульптуру и заплатил большие деньги. И сам Неизвестный говорил, что его критикуют те, которые покупают его скульптуры и платят большие деньги, но фамилии он не сказал. Но вот эти голоса были против оттепели, Эренбург был меткий в своих произведениях и умел подмечать и давать характеристику времени, я считаю, что это отражало действительность, хотя мы тогда не называли ... я даже думаю, что здесь, возможно, шли на оттепель в руководстве, и в том числе и я в этом коллективе, и шли сознательно, и сознательно побивались этой оттепели, потому что как бы из этой оттепели не наступило половодье, которое бы захлестнуло и с которым бы было трудно справиться. А это возможно во всяком политическом деле. Поэтому мы как бы сдерживали эту оттепель с тем, чтобы эта оттепель не вызвала бы половодья и не захлестнула.

* * *

Ну, как она могла захлестнуть? Переросло бы тогда сдерживающие барьеры то, что неуютно с точки зрения руководства, и пошел бы вал такой, что смывал бы на своем пути преграды. Боялись, если так можно выразиться. Боялись того, что народ, что руководство не сможет справиться со своими функциями и не сможет руководить и направлять это по советскому руслу, которое бы вызвало творческие силы, но чтобы произведения этих творческих сил содействовали укреплению социализма.

Эта забота хорошая, чувство хорошее, но, может быть, это было несколько трусливо. "И хочется, и колется, и мама не дает", как это в народе очень метко о таком периоде в народе говорили. Возможно, что так это и было.

Я помню беседу в ЦК с группой писателей. Эренбург был приглашен на эту беседу. Я не помню, был ли товарищ Симонов на этой беседе, но Твардовский был, и Евтушенко был, и Неизвестный, потому что, по моему, они были вызваны в ЦК на заседание Оргбюро или просто в

ЦК поговорить о Неизвестном, о его творческом направлении. Я помню, на этом совещании была Галина Серебрякова. Она выступала. Я не помню ее слов, но помню, что у нее было очень резкое выступление против Эренбурга. Эренбург прямо как на горячей сковородке подпрыгивал, когда она его бичом хлестала; словом, не помню, но содержание, направленность ее критики я помню хорошо, она упрекала Эренбурга, она буквально чуть ли не называла его подхалимом сталинским, и что в то время, когда Сталин головы рубил или же в ссылке держал писателей, Эренбург в своих выступлениях поддерживал сталинскую позицию в вопросах отношения Сталина к творческой интеллигенции. Он вскипел, горячо ей тоже возражал, я сейчас не помню как и конкретных обвинений, так и конкретных возражений, я понимал Галину Серебрякову, это талантливая, по-моему, писательница, она написала трилогию о Марксе и Энгельсе, по-моему, хорошо написала, я ее читал, и она мне понравилась, она большую работу проделала, много прочитала и большие материалы собрала, чтобы написать эту трилогию. Сейчас исчезла Галина Серебрякова с горизонта писателей, я о ней не слышу, и в печати не мелькнет ее фамилия, как других писателей. Я не знаю, что с ней случилось, не знаю даже, жива ли она, я думаю, что если бы она умерла, то какое-нибудь сообщение было. Я думаю, она сейчас находится в таком состоянии, когда ее произведения не находят признания, а, следовательно, и света. ...

Я помню и сожалею о многом, что было сказано на этом совещании, в том числе и мною. Помню, я критиковал Неизвестного. Я даже допустил такую грубость, что Неизвестный, видимо, взял себе фамилию "Неизвестный" с тем, чтобы не быть неизвестным, фамилия такая вызвала не то что какое-то подозрение, потому что он занимается открыто своим творчеством и некоторые признали его; во всяком случае, с моей стороны это была грубость. Это возможно при равном положении, но с моей стороны, занимая такой высокий пост государственный, поэтому это по-другому звучит такая форма, тем более в беседе. А это не беседа была, а острая критика. Если бы я его сейчас встретил, то я бы перед ним извинился. Я помню, Евтушенко выступал, горячо выступал и поддерживал направление Неизвестного. Но это не его направление, потому что оно было и давно боролась интеллигенция против течения абстракционистов. Это известно особенно за границей, да и у нас оно было в свое время. Футуристы это тоже, по-моему, те же абстракционисты. Маяковский тоже в 1917-18 году ходил в желтой кофте по Невскому проспекту в Петербурге. Конечно, внутренне я был и остаюсь противником этого направления, этой формы в искусстве, как в живописи, так и в скульптуре. Но это ни о чем не говорит. Нельзя административными мерами, а это меры полицейские, нельзя этими мерами бороться против течения, которое возникает у интеллигенции как в живописи, так и в музыке; я помню, товарищ Евтушенко выступил и доказывал, приводил примеры конкретные, что на Кубе такой-то абстракционист и такой-то художник, который стоял на реалистических пози-

циях, что когда возникли трудности на Кубе, они были всегда вместе и выступали вместе с винтовками в защиту революционных завоеваний на Кубе. Это верно, но ... несмотря на разумность, которую высказал Евтушенко, очень Неизвестного критиковали, и он критиковал. Неизвестный потом передал мне через кого-то, видимо, через каких-то работников агитпропа или культуры, через Фурцеву скорее всего или через комсомол, через Павлова. Одним словом, он передал о том, что бросит заниматься своим творчеством и переходит на позиции реалистического творчества. Я, конечно, был доволен, я не помню сейчас, какие он создал произведения, он талантливый человек, и сейчас я через печать следил, насколько это возможно, что он создал какие-то хорошие произведения, но что же, я только рад, не знаю, насколько ему помогло, когда мы его критиковали, но, наверное, это тоже было толчком, может быть и административным толчком, ведь и люди творческого труда тоже выступали и выступают против абстракционистов, и, может, это было какой-то каплей перевеса, и человек перешел на реалистические позиции, это хорошо.

Я раскаиваюсь в форме критики, которую тогда организовали против Неизвестного и других. Но по существу я и сейчас противник абстракционизма, я и сейчас просто его не понимаю. Мне, конечно, по душе творчество реалистических художников.

Я помню, когда я был в Англии в числе членов правительственной делегации. Когда мы были на даче у Идена, он спросил меня: "Господин Хрущев, как вы относитесь к такому течению?" – "Я не понимаю, господин Премьер, я стою на позициях реалистического творчества". – "Я тоже не понимаю абстрактного искусства", – и тут он улыбнулся и говорит: "А как же ваш Пикассо?" – Ну что же, Пикассо – крупный художник, он, когда нужно, дал такое произведение, как "Голуби мира", которое было признано всеми, и это символ борьбы сейчас во всем мире. А его написал Пикассо ...

Я с большим уважением относился и отношусь к товарищу Шостаковичу. Я сейчас не помню, за что и в чем выражалась конкретная критика произведений Шостаковича. Не помню и не могу сказать, но я знаю, что Шостакович признался, поэтому я не могу сказать, что Шостакович был в каком-то загоне во времена Сталина. Он много писал и много написал, особенно во время войны, он создал свои шедевры в Ленинграде и занял довольно видную позицию среди творческой интеллигенции, среди композиторов.

... Но мы не понимали Шостаковича в конкретных некоторых вопросах, когда Шостакович выступал и поддерживал джазовую музыку, с нашей точки зрения. Это тоже, если так говорить, он прав, потому что нельзя с этими формами джазовой музыки бороться административными путями. Надо, чтобы выразил свое отношение к этому народ. Я не помню сейчас фамилии людей, которых он защищал. Критиковали в свое время такого прекрасного музыканта и композитора, как Утесов. Я помню еще в молодые годы, когда утесовские частушки распевали

люди себе под нос, а в это время "Правда" разносила Утесова в пух и прах.

Здесь Евтушенко прав, если критиковали в свое время Маяковского, а Маяковский в свое время после смерти оставил произведения, которые и сейчас служат коммунистической партии в борьбе за будущее, за лучшее будущее. А более выразительно, чем Маяковский [прославил] Ленина, я не знаю других поэтов, которые бы могли быть на одном уровне с Маяковским. Хотя Маяковский по своей стилистике, своему печатному слову очень труден, очень труден, но когда я слушаю людей, которые читают Маяковского, это звучит очень строго, идейно, призывно. И сразу человек приобретает какую-то форму, которую стихи Маяковского создают, если человек внимательно слушает и отдается слушанию всем своим существом. Так что это конкретный пример в подтверждение словам Евтушенко, когда он выступал. Стихи Евтушенко нравятся мне? Нравятся, я не могу сказать о всех его стихах, потому что я всех не читал, но некоторые его стихотворения стали песнями, которые сейчас уже почему-то не исполняются. Он очень метко сказал об отношении русских людей к войне: "Хотят ли русские войны?", а ведь некоторые, как тогда? – критиковали эту песню, говорили, что в этом произведении Евтушенко как бы отрицает войну и он как бы морально разрушает солдат. Но, по-моему, нет, мне эта песня и тогда и сейчас нравится, по-моему, эта песня очень утверждает против войны, я сейчас не помню точно слов, но он там предупреждает, что если эта война будет навязана, то русские смогут ответить на эту войну мощным ударом. В общем, я считаю, что Евтушенко талантливый поэт и хороший человек. Характер у него, так сказать, буйный, но буйный опять же с точки зрения административной, т.е. он не всегда укладывается в рамки цензора и, если грубо говорить, тех, которые хотели бы подчистить и подгладить, чтоб было гладко, но это было бы скучно. Если бы все писали одинаково и все бы пользовались одними и теми же аргументами, даже пониманием, то не было бы творческого условия и для развития, и для оттачивания своего таланта и своего слога. Это было бы жестко, один бы говорил с одного конца, другой бы – то же самое с другого конца. Тогда была бы жвачка, которая бы вызывала рвоту у читателя. Поэтому больше надо проявлять терпения и больше предоставлять возможности творческой интеллигенции...

БИБЛИОГРАФИЯ

Поступления Самиздата

- Абрамкин В. Заявление Прокурору г. Москвы о нарушении его прав со стороны КГБ, февраль 1977 г.
- Айрикян П., политзаключенный. Заявление на имя Председателя Президиума Верховного Совета СССР о солидарности с украинскими политзаключенными, 12 января 1978 г.
- Айрикян П., политзаключенный. Заявление на имя Председателя Президиума Верховного Совета СССР, 30 октября 1977 г.
- Аметов Э., крымский татарин. Заявление для печати о дискриминации крымских татар, 10 октября 1977 г.
- Арутюнян Э. Обращение к армянскому народу за рубежом, 8 февраля 1978 г.
- Башкиров П., политзаключенный. Два заявления начальнику оперчасти Якутского следственного изолятора МВД, 26 июля и 6 августа 1976 г.
- Бегун И., политссылный. Обращение о трагической судьбе еврейского языка в СССР, декабрь 1977 г.
- Бейлин И. Заявление на имя Председателя Президиума Верховного Совета СССР Брежнева о нарушении права его семьи на выезд в Израиль, 1977 г.
- Белов Ю. Заявление на имя судьи Люблинского нарсуда В. Лубенцовой, 18 мая 1978 г.
- Белов Ю. "Показания по делу Подрабинека", 28 июня 1978 г.
- Бердник А. Открытое письмо в ООН и др. организации с требованием освобождения Н. Руденко, 9 мая 1978 г.
- Берикашвили Т.И. Заявление об аресте В. Пайлодзе, 1977 г.
- Болонкин А., политзаключенный. Заявление на имя Генерального Прокурора СССР с протестом против незаконного ведения следствия с применением избиений и угроз, Улан-Удэ, 3 июня 1978 г.
- Бубин А. Обращение к зарубежной армянской и международной общественности с просьбой помочь в освобождении ее сына – Шагена Арутюняна, начало 1978 г.
- Будулак-Шарыгин, политзаключенный. Заявление в адрес Президиума Верховного Совета СССР о солидарности с Национальной партией Армении, 24 апреля 1977 г.
- Войнович В. Заявление на имя министра внутренних дел СССР Щелокова, 17 марта 1978 г.
- Войнович В. Заявление для печати об отказе от попыток поехать за границу, 20 марта 1978 г.
- Гамсахурдиа З. Открытое письмо Л. Копелеву, февраль 1977 г.

- Гель И., политзаключенный. Заявление начальнику Харьковской пересыльной тюрьмы, 20 ноября 1976 г.
- Горетой Н., пятидесятник. Обращение к президенту США Картеру, 25 мая 1978 г.
- Горичева Т. "Христианство и культура. Здесь и теперь. — Доклад, прочитанный на религиозно-философском семинаре 17 февраля 1978 г.", Ленинград.
- Грабанс И., политзаключенный. Письмо другу-латышу, живущему в США, 19 июня 1976 г.
- Гримм Ю. Заявление прокурору по надзору Москворецкого района г. Москвы с протестом против осуждения его на 10 суток административного ареста, 23 июня 1977 г.
- Гусаров В. "Однозначных ответов нет, но вопросы ставить нужно (XX-й век. Общественно-политический и литературный альманах № 1)", сентябрь 1977 г.
- Джемилев М. Председателю наблюдательной комиссии при исполкоме Белогорского райсовета народных депутатов подполковнику Цапенко, 16 ноября 1977 г.
- Джемилев М. Заявление на имя Генерального Прокурора СССР, 1 февраля 1978 г.
- Джемилев Р. "Суд "общественности" над диссидентом" — в Президиум Верховного Совета СССР, А.Д. Сахарову, радиостанции "Свобода", 15 апреля 1978 г.
- Другова А. Заявление в Отдел административных органов ЦК КПСС с просьбой вмешаться в дело ее мужа — Иосифа Бегуна, 27 мая 1978 г.
- Другова А. Заявление в Верховный Суд СССР о внесении протеста в порядке судебного надзора на приговор по делу И. Бегуна, 30 мая 1978 г.
- Дубинец Н., баптист. Обращение к ООН, Всемирному Совету Церквей и всем правовым организациям с просьбой помочь ему эмигрировать, 20 февраля 1978 г.
- Евдокимов Р.Б. Заявление в адрес Комитета по разбору жалоб на применение психиатрии в политических целях при Международной ассоциации психиатров с просьбой сделать все возможное для освобождения из психиатрической больницы его отца — Бориса Евдокимова, 28 октября 1977 г.
- Жолковская И. Заявление старшему следователю Калужского УКГБ Оселкову о нарушениях закона в ведении следствия по делу ее мужа — А. Гинзбурга, 26 ноября 1977 г.
- Завальнюк В., молдавский ксендз. "Автобиография", 1978 г.
- Залмансон И., политзаключенный. Заявление в адрес съезда КПСС, 24 февраля 1976 г.
- Залмансон И., политзаключенный. Заявление начальнику ВС-389 Микову, 8 апреля 1976 г.
- Ковалев И. Открытое письмо об условиях заключения Сергея Ковалева, октябрь 1977 г.

- Ковалев И. Заявление на имя Генерального Прокурора СССР о нарушении права на переписку его отца – политзаключенного Сергея Ковалева, 28 ноября 1977 г.
- Копелев Л. Открытое письмо друзьям в Грузии, февраль 1977 г.
- Кувакин Вс. Заявление для печати, февраль 1978 г.
- Кувакин Вс. Обращение в Международную организацию труда о нарушении в СССР прав человека в области труда, 10 марта 1978 г.
- Кувакин Вс. Обращение в Международную ассоциацию юристов-демократов, 10 марта 1978 г.
- Кукобака М. Жалоба на имя председателя КГБ Андропова, 2 декабря 1976 г.
- Кукобака М. Очерк "Украденная Родина", Бобруйск, 25 марта 1978 г.
- Ланда М. О положении Николая Бондаря после освобождения из заключения, 1978 г.
- Ланда М. Заявление о солидарности со всеми советскими политзаключенными, Вершино-Шахтама, 4 октября 1977 г.
- Ланда М. Заявление в связи с возвращением из ссылки о продолжении общественной деятельности, май 1978 г.
- Лапик Ф. Открытое письмо в редакцию газеты "Правда" с просьбой помочь узнать судьбу его отца, арестованного в 1938 г. и не вернувшегося.
- Лукьяненко Л. Письмо другу, 11 августа 1977 г.
- Маложенский В., политзаключенный. Письмо сыновьям из лагеря.
- Малхазян А. "Советским академикам, поставившим свои подписи под письмом президенту США Картеру", 1978 г.
- Марченко В., политзаключенный. "Письмо деду", июль 1975 г.
- Марченко В., политзаключенный. Заявление Прокурору Чусовского района, 14 мая 1976 г.
- Марченко В., политзаключенный. Письмо матери после свидания с нею в Киеве, 1977 г.
- Мейман Н. Главному редактору радиостанции "Немецкая волна", 22 октября 1977 г.
- Микитко Я., политзаключенный. Заявление начальнику лагеря ВС-389/35 Пименову, 2 мая 1976 г.
- Морозов М. Письмо к итальянской компартии с призывом выступить в защиту Гинзбурга, Орлова и Щаранского, 5 августа 1977 г.
- Нагапетян А. Обращение к президенту США Картеру с просьбой содействовать освобождению ее мужа – Шагена Арутюняна, 1978 г.
- Нагапетян А. Заявление в адрес Международной организации труда и АФТ-КПП, 1978 г.
- Недрובהва М. Сообщение о попытке поджога квартиры ленинградского писателя В. Нечаева, 30 апреля 1978 г.
- Некипелов В. Три заявления – Председателю Президиума Верховного Совета СССР (22 сентября 1977 г.); Начальнику паспортного отдела УВД Владимирской обл. (22 сентября 1977 г.); В Министерство внутренних дел СССР (1977 г.) – с просьбой разрешить ему выезд из СССР.

- Некипелов В. Заявление в адрес Римской сессии Международных Сахаровских Слушаний, 4 ноября 1977 г.
- Никлус М. Заявление Генеральному Прокурору СССР с протестом против продолжающихся преследований, Тарту, 23 апреля 1977 г.
- Никлус М. Заявление Генеральному Прокурору СССР, Тарту, 20 ноября 1977 г.
- Никлус М. Заявление Генеральному Прокурору СССР с требованием вернуть изъятые на обыске вещи, Тарту, 5 декабря 1977 г.
- Овсненко В. Заявление Прокурору УССР в связи с допросами по делу Мариновича и Матусевича, 23 сентября 1977 г.
- Орлова (Валитова) И. "Выдержки из защитительной речи Ю. Орлова" (восстановлено по памяти), май 1978 г.
- Осадчий М., политзаключенный. Заявление на имя Прокурора Мордовской АССР, 26 декабря 1977 г.
- Осадчий М., политзаключенный. Обращение к американскому народу, сенату и президенту США Картеру, 22 января 1978 г.
- Осипов В., политзаключенный. Заявление на имя Генерального Прокурора СССР об объявлении голодовки в знак протеста против преследований товарищей по заключению, 22 февраля 1977 г.
- Подрабинек П.А. Обращение ко всем людям доброй воли об аресте его сына – Александра Подрабинека, май 1978 г.
- Поликанов С. Письмо директору Европейского центра ядерных исследований в Женеве, 1977 г.
- Ребрик Б., политзаключенный. Последнее слово на суде, февраль 1975 г.
- Ребрик Б., политзаключенный. Обращение к Председателю Президиума Верховного Совета СССР, 1977 г.
- Сахаров А.Д. "Послесловие к сборнику "Тревога и надежда", 12 мая 1978 г. (опубл. наст. вып.).
- Сахаров А.Д. Обращение в защиту Б. Гаяускаса, 16 апреля 1978 г. (опубл. наст. вып.).
- Сахаров А.Д. Обращение в защиту В. Шелкова, 16 апреля 1978 г. (опубл. наст. вып.).
- Сахаров А.Д. Обращение в защиту политзаключенного С. Глузмана, май 1978 г.
- Серебров Ф. Подборка стихотворений.
- Серый Л. Обращение к Джорджу Мيني, 1977 г.
- Серый Л. Заявление во Всесоюзный Центральный Совет Профсоюзов СССР о выходе из профсоюза, 18 апреля 1978 г.
- Симчич М., политзаключенный. Обращение к Комиссии по правам человека ООН, 1976 г.
- Слепак В. Обращение к участникам Дня солидарности с советскими евреями в Нью Йорке, 20 мая 1978 г.
- Снегирев Г. Заявление в адрес Министерства здравоохранения УССР с просьбой разрешить ему поехать во Францию для лечения, 13 апреля 1977 г.
- Снегирев Г. Заявление на имя начальника ОВИРа г. Киева с просьбой о предоставлении ему разрешения на поездку во Францию для лечения, 4 июня 1977 г.

- Солдатов С., политзаключенный. Шесть заявлений и писем в различные советские государственные инстанции и в Комитет прав человека, 1977-1978 гг.
- Солдатов С., политзаключенный. Декларация, направленная в Президиум Верховного Совета Эстонской ССР, 3 января 1978 г.
- Солдатов С., политзаключенный. "12 принципов русского дела. Письмо к русским патриотам", март 1978 г.
- Счастливая Л. Обращение в Группу "Хельсинки" с просьбой о помощи в выезде в Израиль, 21 октября 1977 г.
- Тихий А. Два заявления – в Президиум XXV съезда КПСС и в Донецкий облсуд, 1976 г.
- Токаюк Г. Заявление для печати о преследованиях со стороны КГБ, 2 февраля 1978 г. (См. "Хронику" 48.)
- Трифонов Г., заключенный. Открытое письмо в "Литературную газету", декабрь 1977 г.
- Ушаков Г. Заявление на имя Председателя Президиума Верховного Совета СССР с протестом против преследования товарищей по заключению, 14 февраля 1977 г.
- Филипов А.Г. Заявление в Ученый совет мат.-мех. факультета Ленинградского университета, 28 сентября 1977 г.
- Фишер В. Открытое письмо о положении немцев в СССР, февраль 1978 г.
- Флорескул А. "Заявление-протест" против ареста ее мужа – адвентиста Дмитрия Флорескула, 29 марта 1977 г. (См. "Хроника" 46.)
- Хейфец М., политзаключенный. Заявление на имя Председателя Президиума Верховного Совета Арм. ССР, 24 апреля 1977 г.
- Черновол В., политзаключенный. Заявление Прокурору Мордовской АССР, 13 декабря 1977 г.
- Черновол В., политзаключенный. Заявление Председателю Президиума Верховного Совета СССР, 24 декабря 1977 г.
- Черновол В., политзаключенный. Заявление Председателю Президиума Верховного Совета СССР с протестом против преследований украинцев, 12 января 1978 г.
- Черновол В., политссыльный. Заявление Генеральному Прокурору СССР, 10 апреля 1978 г. (опубл. наст. вып.).
- Шафаревич И. Обращение в защиту Александра Подрабиника, май 1978 г.

Коллективные произведения

- Барановы В. и Г. Заявление председателю Конституционной комиссии СССР с просьбой помочь им выехать из СССР, 1977 г.
- Богушис В., Масюленис А., Саснаускас Ю., Тучкус А., литовские католики. Заявление на имя Председателя Президиума Верховного Совета Лит. ССР с просьбой, в случае призыва их в армию, разрешить им отбывать службу на территории Литвы, 8 ноября 1977 г.
- Винс П., Строкатова Н. Обращение к правительствам стран, подписавших Заключительный Акт в Хельсинки, с информацией об усилении репрессий по отношению к баптистам, январь 1978 г.

- Гель М., Гель О. и Гель Ф. Обращение ко всем организациям и частным лицам, интересующимся положением в советских концлагерях, 24 марта 1978 г. (опубл. наст. вып.).
- Григоренко Зинаида, Григоренко Петр. Письмо министру внутренних дел СССР Шелокову с просьбой прописать родителей М. Джемилева в купленном ими доме в Крыму, 25 ноября 1976 г.
- Каллистратова С., Великанова Т. Заявление в Министерство внутренних дел СССР по делу Ланды М.Н., 11 июля 1977 г.
- Ланда М., Жолковская-Гинзбург И., Ходорович С. Отчет распорядителей Фонда помощи политзаключенным и их семьям, 12 апреля 1978 г.
- Лерт Р., Григоренко П. и З., Турчин В., Корнилов В., Великанова Т. "Через полтора года..." – о Мальве Ланде, июль 1977 г.
- Любимов Ю., Рождественский Г., Шнитке А. По поводу письма А. Жюрайтиса в "Правде", март 1978 г.
- Некипелов В., Ходорович Т. "Опричина – 77 в тюрьмах и лагерях", октябрь 1977 г.
- Некипелов В., Осипова Т. "Опричина – 78. Политические расправы уголовным путем", февраль 1978 г.
- Мешко О., Вивчар З. Жалоба в медуправление МВД СССР по делу политзаключенного А. Сергиенко, 10 октября 1977 г.
- Осадчий М., Ребрик Б., Романюк В., Шумук Д., политзаключенные. Обращение "К народу Израиля, ко всем честным евреям и украинцам мира, к академику Сахарову" с призывом защищать Эдуарда Кузнецова, конец 1977 г.
- Сахаров А., Григоренко П., Мейман Н. Обращение к участникам Совещания в Белграде о нарушении прав еврейских активистов, 4 октября 1977 г.
- Светличная Н., Горбаль Н. Обращение к премьер-министру Канады Трюдо в защиту Вадима Смогителя, осужденного на три года лишения свободы, 10 февраля 1978 г. (см. "Хроника" 48).
- Солдатов С., Ушаков Г., политзаключенные. "Редакциям радио и газет. Еще раз об акции советских политзаключенных "Статус-77", март 1978 г. (опубл. наст. вып.).
- Солдатов С., Ушаков Г., Хейфец М., политзаключенные. Заявление в прессу и мировой общественности, 1978 г.
- Ямпольский А., Стругач М. Статья "Еврейская эмиграция: государственные секреты и права человека в закрытом обществе", Ленинград, 1978 г.
- Группа ленинградцев. "Слово в защиту отца Льва Конина", 1977 г.
- 46 подписей (Сахаров А., Григоренко П. и др.). Обращение в Верховный Совет СССР об амнистии политических заключенных; Заявление в Верховный Совет СССР о недопустимом положении всех категорий заключенных в СССР, 30 октября 1977 г.
- 23 подписи (Григоренко П., Великанова Т. и др.). "Обращение к правительствам и демократической общественности" с просьбой добиваться освобождения Гелия Снегирева, 12 октября 1977 г.

- 129 подписей. Обращение к соотечественникам и мировой общественности с призывом бороться за освобождение Александра Подрабиника, 20 мая 1978 г.
- 44 подписи. Обращение к Председателю Общества защиты прав человека Корнелии Герстенмайер с просьбой "помешать ... расправе над художником Львом Сергеевым", 1978 г.
- 7 ученых-отказников (Ю. Гольфанд и др.). Обращение к ученым мира с призывом бороться за освобождение Юрия Орлова, 14 июня 1978 г.
- Группа эстонцев и латышей – бывших политзаключенных (Никлус М., Роде Г. и др.). Обращение к "Международной Амнистии" с призывом выступить в защиту В. Пяткуса, 14 ноября 1977 г.
- Мать, жена и брат Ш. Арутюняна. Обращение к правительству ФРГ в защиту осужденного Ш. Арутюняна, 10 февраля 1978 г.
- 15 подписей (Великанова Т., Григоренко П. и др.) "30 октября – День политзаключенного", 30 октября 1977 г.
- Политзаключенные Мордовских концлагерей (Айрикян П., Осипов В. и др.). "Председателю Комитета прав человека в СССР Сахарову, Украинской группе "Хельсинки" – обращение о создании Сообщества бывших политзаключенных, 10 декабря 1977 г.
- Группа политзаключенных Мордовских лагерей (Солдатов С., Осипов В. и др.). В Комитет прав человека в СССР, 14 марта 1978 г.
- Группа верующих Пренайского прихода (Лит. ССР). Заявление на имя Генерального секретаря ЦК КПСС Брежнева и в адрес Комиссии по наблюдению за выполнением Хельсинкских соглашений – о преследованиях священника Здебскиса, 12 июля 1977 г.
- Группа баптистов села Новоалександровка Омской обл. "Срочное сообщение" о преследованиях в адрес Генерального Прокурора СССР, ноябрь 1977 г.
- 86 пятидесятников и баптистов. Заявление на имя Л.И. Брежнева с просьбой выпустить их из СССР, 25 мая 1978 г.
- 80 пятидесятников и баптистов, желающих эмигрировать. Заявление на имя Генерального секретаря ООН Вальдхайма, 25 мая 1978 г.
- 80 пятидесятников и баптистов, желающих эмигрировать. Воззвание к помощи пятидесятников и баптистов США, 25 мая 1978 г.
- Группа баптистов и пятидесятников. "Заявление пятое" Генеральному секретарю ЦК КПСС Брежневу с требованием эмиграции, 22 июня 1977 г.
- Группа советских евреев. Главам государств – участников Совещания в Белграде об ущемлении прав еврейского национального меньшинства в СССР, 27 сентября 1977 г.
- 10 подписей (В. Слепак, Н. Мейман и др.). Обращение к участникам Совещания в Белграде и в конгресс США, 1977 г.
- 24 еврейки-отказницы. Открытое письмо Генеральному Прокурору СССР с протестом против уголовного преследования Марии и Владимира Слепаков, 14 июня 1978 г.
- 24 еврейки-отказницы. Заявление в Президиум Верховного Совета с тре-

бованием решать вопрос об их выезде из СССР согласно законам, а не произвольно, 14 июня 1978 г.
127 подписей. Обращение к участникам Совещания в Белграде о преследовании еврейских активистов, 1977 г.

Анонимные произведения

- "Хроника поисков работы бывшего политзаключенного К.И. Матвиюка", 1977 г.
- "Информация о положении П. Винса и В. Барладяну", 1978 г.
- Сообщение о положении подследственного А. Болонкина, 8 июля 1978 г.
- "Второй арест Александра Болонкина", 1978 г.
- Подборка документов по делу Григория Гольдштейна, Тбилиси, февраль-апрель 1978 г.
- "Факты и только факты. Краснодарский край, г. Белореченск" – о преследованиях пятидесятников, 25 мая 1978 г.
- Политзаключенные Мордовских и Пермских концлагерей и Владимирской тюрьмы. "Главам 35 государств и правительств, собравшимся в Белграде", 1977 г.
- Политзаключенные Мордовского лагеря № 19. "Акция десяти в поддержку Демократического движения Эстонии", февраль 1978 г.
- "Хроника ИТК-19 за 77-78 гг.:"
- "Трагическая гибель талантливого ученого-эмигранта" – о смерти Д. Зильбермана, жившего после эмиграции в Бостоне, 1977 г.
- "Биография Валентины Пайлодзе".
- "Из рассказов бытовиков" о тюрьмах и лагерях уголовных.
- Биографии бывших и нынешних политзаключенных: И. Кандыбы, З. Красивского, М. Луцика, М. Плахотнюка, В. Рубана.
- Сообщение о политзаключенном В. Барладяну, 1978 г.
- "Сичко Василий Петрович" и "Сичко Петр Васильевич" – биографии двух новых членов Украинской группы "Хельсинки", 1978 г.
- "35 лагерь. Хроника одной несостоявшейся голодовки".
- Запись суда над Балисом Гаяускасом, Вильнюс, апрель 1978 г.
- Два текста: "Александр Подрабинек" и "Кирилл Подрабинек", январь 1978 г.
- Сообщение "Положение католиков в Молдавии", 1978 г.
- Католики Молдавской ССР. Обращение к Папе Римскому Павлу VI с просьбой выступить в защиту ксендза В. Завальнюка, 1978 г.
- Статья "Советская государственность и психиатрия" (опубл. наст. вып.).
- "Об одном эксперименте во Владимирской тюрьме. Правовой статус заключенных. Избирательные права" (опубл. наст. вып.).
- Сообщение "Микола Руденко" (опубл. наст. вып.).
- Запись суда над Петром Винсом, апрель 1978 г.
- Список политзаключенных и политссыльных (277 имен).

Документы ассоциаций

Группа содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР

- Документ № 25. В защиту Миши Войханского.
Документ № 36. О независимом профсоюзе трудящихся, 16 февраля 1978 г.
Документ № 39. О Совещании в Белграде, 14 мая 1978 г.
Документ № 40. Заявление по делу Анатолия Щаранского, 15 марта 1978 г.
Документ № 41. Заявление о лишении П.Г. Григоренко советского гражданства, 15 марта 1978 г.
Документ № 42. Заявление о лишении советского гражданства М. Ростроповича и Г. Вишневецкой, 18 марта 1978 г.
Документ № 43. "Дискриминация крымских татар. Мустафа Джемилев", 6 апреля 1978 г.
Документ № 45. Преследования адвентистов, 10-16 апреля 1978 г.
Документ № 46. "Лишение права на труд и права на жилище по политическим мотивам", 20 апреля 1978 г.
Документ № 47. Злоупотребления законодательством о труде, 22 апреля 1978 г.
Документ № 48. "Десять лет "Хронике текущих событий", 27 апреля 1978 г.
Документ № 49. "О нарушении права колхозников на эмиграцию и на выход из колхоза", 30 апреля 1978 г. (см. наст. вып.).
Документ № 50. "Суд над профессором Юрием Орловым", 18 мая 1978 г. (опубл. наст. вып.).
Документ № 51. Об аресте Александра Подрабиника, 22 мая 1978 г. (опубл. наст. вып.).
Документ № 52. "Арест Владимира Слепака. Возбуждение уголовного дела против Марии Слепак и Иды Нудель", 5 июня 1978 г.
Документ № 53. О суде над Юрием Орловым – дополнение к документу № 50, 15 июня 1978 г.
Документ № 54. О судах над В. Слепаком и И. Нудель, 26 июня 1978 г.
Документ № 55. Международному Олимпийскому Комитету (МОК), президенту МОК лорду М. Килланин, 26 июня 1978 г.
Документ № 56. О судах над Гинзбургом, Щаранским и Пяткусом, 15 июля 1978 г.

Рабочая комиссия по расследованию использования психиатрии в политических целях в СССР

- Информационный бюллетень № 7, 24 февраля 1978 г.
Информационный бюллетень № 8, 20 апреля 1978 г.
Информационный бюллетень № 9, 9 июня 1978 г.
Информационный бюллетень № 10, 10 августа 1978 г.
Заявление для прессы о положении Евгения Николаева, 20 марта 1978 г.

Обращение к Международной Ассоциации Психиатров "Через два месяца после Гонолулу", 4 ноября 1977 г.

Обращение к Международной Ассоциации Психиатров в защиту М. Кукобаки, 5 ноября 1977 г.

Заявление для прессы о том, что, несмотря на преследования, Комиссия продолжает и будет продолжать свою работу, и с призывом выступить в защиту арестованного Александра Подрабиника, май 1978 г.

Христианский комитет защиты прав верующих в СССР

Обращение к Председателю Президиума Верховного Совета СССР Брежневу о преследованиях баптистов в Ростове-на-Дону, 18 мая 1978 г.

Обращение к мировой христианской общественности в связи с арестом председателя Церкви Адвентистов В. Шелкова, 20 марта 1978 г.

Обращение к Папе Римскому Павлу VI о положении католиков в Молдавской ССР, 10 января 1978 г.

Группа содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР, Рабочая комиссия по расследованию использования психиатрии в политических целях, Христианский комитет защиты прав верующих в СССР

Заявление для прессы в связи с вступлением в НАИС (Международная ассоциация содействия выполнению Хельсинкских соглашений), 19 октября 1977 г.

Официальные документы

Определение Фрунзенского районного нарсуда г. Владимира об отказе принять исковое заявление Сусленского Я.М. к администрации Владимирской тюрьмы, 13 ноября 1976 г.

Определение судебной коллегии по гражданским делам Владимирского облсуда по частной жалобе Сусленского Я.М. на отказ Фрунзенского районного нарсуда принять иск к Владимирской тюрьме, 15 февраля 1977 г.

Определение судебной коллегии по гражданским делам Пермского облсуда по кассационной жалобе Верника И.А. на решение Чусовского горнарсуда отказать Вернику в иске к учреждению ВС-389/36, 22 марта 1974 г.

Флорескул Д., адвентист. Кассационная жалоба, 16 апреля 1977 г. (см. "Хроника" 46).

Шафранский Н.А., адвокат. Ходатайство в Подольский районный нарсуд г. Киева об истребовании дополнительных материалов по делу Петра Винса, 6 апреля 1978 г.

Шафранский Н.А., адвокат. Кассационная жалоба в Киевский городской суд по делу Петра Винса, 12 апреля 1978 г.

Общественно-производственная характеристика старшего лаборанта кабинета искусствоведения В.В. Барладяну.

Производственная характеристика Серого Л.М., май-июнь 1977 г.

Приговор по делу Сартакова Петра Кирилловича, январь 1973 г.

Приговор по делу Сусленского Я.М. и Мешенера И.Я., Кишинев, октябрь 1970 г.

Определение судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда УССР по делу Симчича М.В., 20 января 1970 г.

Протокол обыска на квартире адвентиста Перетыкина Е.Я., Ташкент, 19 марта 1977 г. (см. "Хроника" 45).

Постановление Президиума Верховного Совета СССР "О порядке применения Указа Президиума Верховного Совета СССР "Об амнистии в связи с 60-летием Великой Октябрьской социалистической революции", 1977 г.

Постановление Президиума Верх. Совета РСФСР "О внесении изменений в Постановление Президиума Верх. Совета РСФСР от 7 августа 1975 г. "О порядке применения статьи 209 Уголовного кодекса РСФСР"; 30 мая 1977 г.

Повременные издания

"Хроника текущих событий", вып. 48, 14 марта 1978 г.

"Хроника текущих событий", вып. 49, 14 мая 1978 г.

Совет Церквей Пятидесятников. Информационный бюллетень № 2, ноябрь 1977 г.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Абанькин В.	29,32	Венс С.	38	Гуженков В.	14
Абрамкин В.	77	Верник И.	86	Гуляев Н.Н.	31,32
Абрамс Э.	9	Вешников	20	Гусаров В.	78
Айриякян П.	25-27,77, 83	Вивчар Э.	82		
Александр I	70	Вильсон Р.	8	Давыдов Г.	29,32-34
Александров А.П.	9	Винс Г.	42	Джемилев М.	78,82,85
Амальрик А.	60	Винс П.	42,81,84,87	Джемилев Р.	78
Аметов Э.	77	Виньярд Дж.	8	Дойников	34
Андропов Ю.В.	79	Вишневская Г.	43,85	Дормидонтов	20
Арутюнян Ш.	42,77, 79,83	Войнович В.	77	Другова А.	78
Арутюнян Э.	77	Войханская М.	60	Дубинец Н.	78
		Войханский М.	85		
		Ворошилов К.	70	Евдокимов Б.	49,78
				Евдокимов Р.Б.	78
Балахонов В.	29-32	Гайдук Р.	29,32	Евтушенко Е.	73-76
Барановы В. и Г.	81	Гамсахурдиа З.	12,13, 43,77		
Барладяну В.	84,87	Гаяускас Б.	16,43,80, 84	Жолковская (Гинз- бург) И.	78,82
Бахмин В.	7	Гель И.А.	23-24,78,82	Журайтис А.	82
Башкиров П.	77	Гель М.	23-24,82	Завальнюк В.	78,84
Бегун И.	5,77,78	Гель О.	23-24,82	Зайцев Л.К.	67
Бедарев В.	17	Гель Ф.	23-24,82	Залмансон И.	78
Бейлин И.	77	Герасимов	70	Захаров И.П.	56
Белоусович И.	12	Герстенмайер К.	83	Здебскис	83
Беляев Н.А.	29	Гинзбург А.	6,10,16, 43,78,79,85	Зильберман Д.	84
Бердник А.	77	Гинзбургс Дж.	62-68	Зосимов В.	62-68
Берикашвили Т.	77	Глузман С.	80	Иден	75
Бломберген Н.	9	Гольдштейн Г.	42,84	Имнадзе А.	42
Богушис В.	81	Гольдштейн И.	7		
Болонкин А.	77,84	Гольфанд Ю.	83	Каганович	72
Бондарь Н.	79	Гобаль Н.	82	Каллагэн Дж.	7
Боннэр Е.	7,15,55,60	Горбаневская Н.	60	Каллистратова С.В.	7, 15,55,82
Брежнев Л.	8,9,77,83	Горетой Н.	78	Кандыба И.	84
Бринкман В.	9	Горичева Т.	78	Капканов	34
Бубуян А.	77	Грабанс И.	78	Карпенюк М.	26,27
Будулак-Шарыгин Н.	26,27,77	Григоренко З.	82	Картер Дж.	38,41,78, 79,80
Буковский В.	29,45, 50,51,60	Григоренко П.	42,82, 83,85	Касьянов	30-34
		Гримм Ю.	78	Килланин М.	85
Вагнер И.	42	Громыко А.	38		
Вальдхайм К.	13,83				
Великанова Т.	82,83				

Ковалев И.	7,78,79	Медведев Ж.	51	Пикассо П.	75
Ковалев С.	78,79	Мейман Н.	7,15,55, 79,82,83	Пискарева Ф.И.	57
Конин, о.Л.	82	Мешенер И.	87	Плахотнюк Н.	84
Копелев Л.	7,77,79	Мешко О.	82	Плющ Л.	60
Корвалан Л.	45	Микитко Я.	79	Подрабинек А.	5,14, 15,80,81,83-86
Корнилов В.	7,82	Миков	78	Подрабинек К.	14,84
Коротич	5	Мини Дж.	80	Подрабинек П.	80
Костава М.	12,13,43	Моро А.	47	Поликанов С.	7,11,80
Красивский Э.	84	Морозов М.	79	Поликанова А.	7
Кривоберец Е.	17	Нагапетян А.	79	Пушкин А.	70
Кувакин Вс.	79	Назарян Р.	42	Пяткус В.	43,83,85
Кузнецов Э.	82	Наташев А.Е.	32	Равиньш М.	26,27
Кукобака М.	79,86	Науэнберг М.	8	Ребрик Б.	80,82
Лавут А.	7	Недрובה М.	79	Роде Г.	83
Ланда М.	7,15,60,79,82	Неизвестный Э.	73-75	Рожественский Г.	82
Лапик Ф.	79	Некипелов В.	7,15,55, 79,80,82	Романов А.А.	57
Ленин В.И.	76	Некрасов	23,24	Романюк, о.В.	82
Леонтьев Д.	5	Нечаев В.	79	Ростропович М.	43,85
Лепшин И.	17	Никлус М.	80,83	Рубан В.	84
Лерт Р.	82	Николаев Е.	85	Руденко Н.	18-19,43, 77,84
Логунов А.	9	Николай I	70	Рцхиладзе В.	13,42
Лоу-Бир Дж.	60	Нокин	5	Сакс Р.	8
Лукьяненко Л.	42,79	Ноултон В.	8	Саргаков П.	87
Лунц Д.	50	Нудель И.	7,85	Саснаускас Ю.	81
Луцик М.	84	Образцов	31	Сафронов А.	29-32
Любимов Ю.	82	Овсиенко В.	80	Сахаров А.	5,7,11,16, 17,21,35-47,78,80,82
Макдоналд Дж.	58-61	Орлов Ю.	5-11,14,43, 58-61,79,80,83,85	Светличная Н.	82
Макдэниэл Б.	8	Орлова (Валитова) И.	6,58,80	Сергеев Л.	83
Маккей Г.	9	Осадчий М.	80,82	Сергиенко А.	82
Маложенский В.	79	Оселков	78	Серебров Ф.	80
Малхазян А.	79	Осипов В.	19,25-27, 80,83	Серебрякова Г.	74
Маринович М.	42,80	Осипова Т.	7,15,55,82	Серый Л.	80,87
Марков	9	Павлов	75	Сесслер Э.	8
Маркосян Р.	26,27	Пайлодзе В.	42,77,84	Симонов К.	73
Марченко В.	79	Пақрас	70	Симчич М.	80,87
Маршак Р.	9	Пановски В.	8	Сичко В.	84
Маслов С.	17	Пастернак Б.	71-72	Сичко П.	84
Масюленис А.	81	Перетыкин Е.	87	Слепак В.	7,15,55,60, 80,83,85
Матвеев С.М.	56			Слепак М.	83,85
Матвеев Я.И.	57			Смогитель В.	82
Матвеева Д.	57				
Матвиюк К.	84				
Матусевич Н.	42,80				
Маяковский В.	74,76				

Снегирев Г.	80,82	Угненко М.Н.	34	Черновол В.	20-22,
Солдатов С.	25-28,81,	Утесов Л.	75		25-27,81
	82	Ушаков Г.	25-28,81,82		
Солженицын А.	48			Шакиров Б.	25,27
Сотоев	23	Фадеев А.	70-71	Шальман Е.	6
Спалинь А.	17	Филипшов А.Г.	81	Шаргородский М.Д.	29
Сталин И.	69-75	Фишер В.	81	Шафаревич И.	81
Строкатова Н.	81	Флорескул А.	81	Шафранский Н.	86-87
Стругач М.	82	Флорескул Д.	81,86	Шеварднадзе Э.	13
Сусленский Я.	86,87	Фрейзер Д.	9	Шелков В.	16,17,42,
Счастливая Л.	81	Фурцева Е.	75		80,86
Сьорген П.	8			Шнитке А.	82
		Халатников И.	9	Шостакович Д.	75
Твардовский А.	73	Хейфец М.	25,27,81,82	Шумук Д.	82
Твердохлебов А.	21	Ходорович С.	82		
Тейлор Т.	67	Ходорович Т.	82	Щаранский А.	6,10,43,
Терри В.Д.	8	Хрущев Н.С.	69-76		46,79,85
Тихий А.	43,81	Хэммонд Дж.	9	Щелоков Н.	77,82
Токаюк Г.	81	Хэндлер Ф.	9-10		
Трифонов Г.	81			Эренбург И.	72-74
Трюдо П.	82	Цапенко	78		
Трясоумов	27			Ямпольский А.	82
Турчин В.	82	Чалидзе В.	13,69	Ярым-Агаев Ю.	7
Тучкус А.	81				

\$ 5.00